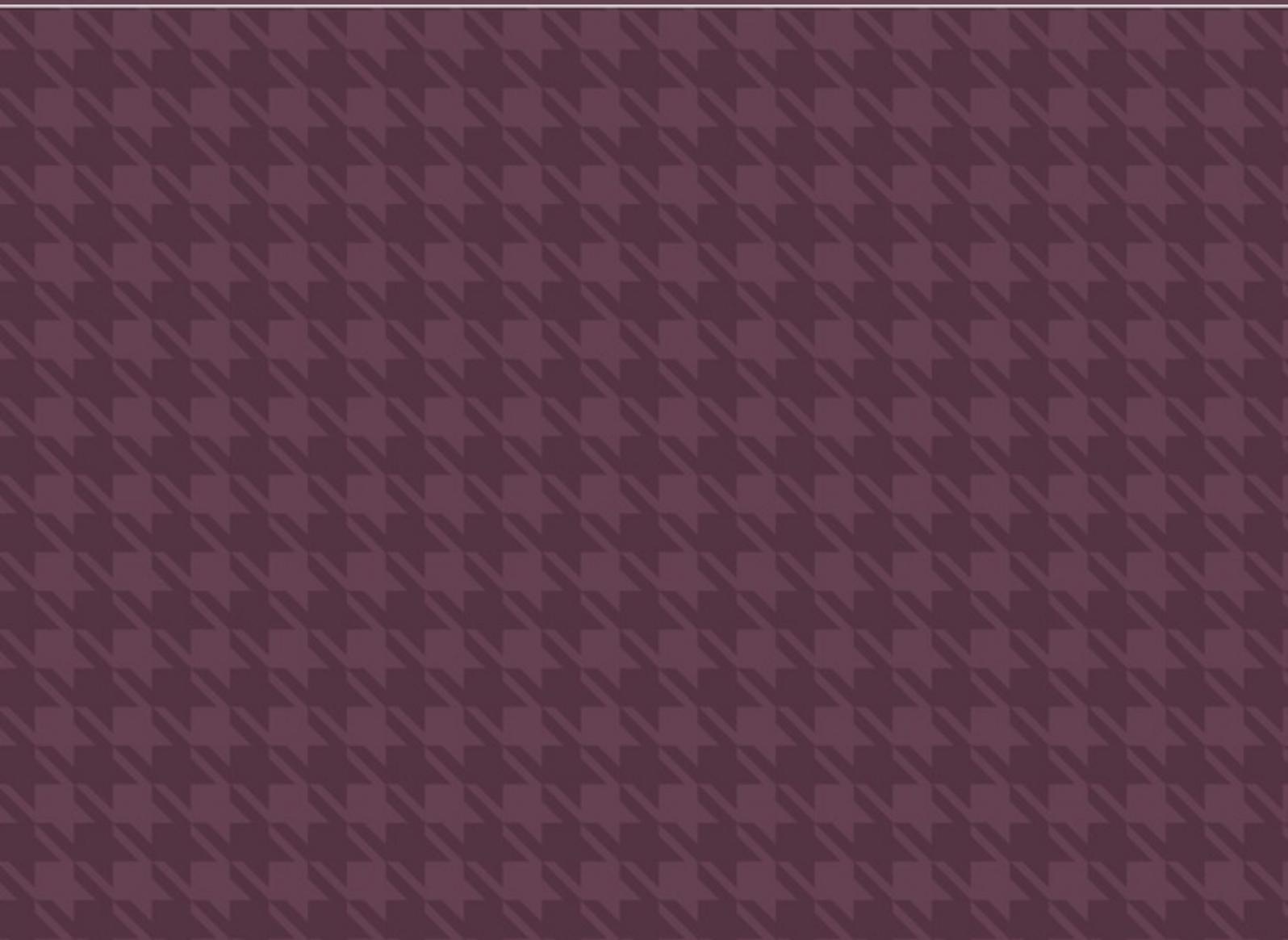

Влад Эмир

Проектор

Фантастический роман

Влад Эмир

Проектор

«Издательские решения»

Эмир В.

Проектор / В. Эмир — «Издательские решения»,

Влад, пользуясь своими связями, с помощью друзей получает продолжение того, что случилось в далёкой юности. Продолжение, способное стать концом...

Содержание

Глава 1. Удавшийся опыт	6
Глава 2. Чукотка	24
Глава 3. Гипотеза	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Проектор
Фантастический роман
Влад Эмир

© Влад Эмир, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Удавшийся опыт

Влад священнодействовал уже час. Проехав двести метров узкой песчаной косы, отделявшей мыс Кожевникова от берега, он попал на более-менее широкое место, заканчивающееся отвесными скалами, о которые с противоположной стороны бился Северный ледовитый океан. Океан не совсем понимал, почему на его пути встали огромные чёрные скалы, откуда они вообще в этом месте взялись, ведь на много километров вокруг берег был ровным и плоским, спокойно принимая на себя волны самого холодного океана на земле. Океан уже давно вымыл берег по обе стороны этих жутких скал, зайдя на берег метров по пятьсот, образовав себе заливы и бухты для дальнейшего наступления, создав свои плацдармы для извечной борьбы с сушей. Пока что суша держалась, выставив свой бастион – сопку Кожевникова, скальный массив высотой метров двести над уровнем моря. Коса и была связывающим мостиком между бастионом и остальной сушей. Волны могли её преодолеть только в сильные шторма, да и то, с каждым ударом принося по несколько круглых обкатанных камешков, делая насыпь около скал, со стороны океана, всё выше и массивнее. На бастионе была земля, трава и карликовые деревья. Всё было, как в обыкновенной тундре, только выдвинутой своими краями далеко в море, в море-океан. По этой-то земле и ходил сейчас Влад, расставляя устройство по схеме далеко не им изобретённой, но только ещё никогда не применяемой для экспериментов такого рода. Для своего эксперимента Влад использовал схему еврейской шестиконечной звезды, с размахом – расстоянием в сто метров от каждой вершины звезды до её геометрического центра. Влад и сам не смог бы объяснить, почему он избрал именно такое строение своего оборудования, да такое объяснение, в сущности, и не требовалось – Влад держал своё изобретение в строжайшей тайне и даже всё необходимое оборудование для опытов изготавливал, практически, сам, прибегая иногда к помощи специалистов. Он просто не объяснял им, для чего были нужны и где применялись заказываемые им те или иные фрагменты его оборудования, его отдельных частей.

Части оборудования изготавливались, после этого окончательную сборку проводил сам Влад, в абсолютной скрытности. Да особых узлов и механизмов каких-то и не требовалось, важна была сама идея. А идея была! Она не только была, она уже жила своей жизнью, подталкивая мозг Влада к своему осуществлению, она зрела уже много лет и вот, наконец, выплеснулась и превратилась в живую. Идея хотела жить, хоть недолго, но жить! И не умирать, потом, окончательно, а воскресать и снова жить. Идея требовала действия. Идея и нашла Влада, а не он её. Идея, возможно, ко многим обращалась. Она вопила, звонила, звала, лежала на поверхности, но её почему-то не замечали. А Влад взял и наклонился. И поднял. И не отбросил в сторону. Рассмотрев поближе. Просто он был повнимательнее и замечал порой то, на что другие не обращали внимания. Произошло то, что другие называют инструкцией. Или случаем, как угодно. Факт остаётся фактом – идея была показана и озвучена, продумана и создана оборудованием. Прибором. П Р О Е К Т О Р О М. Идея стала, должна была стать, рабочим проектом, который изобрёл Влад. А будет ли этот проектор работать, как раз и должен был показать этот опыт, ради которого Влад пролетел десять тысяч километров, затратил годы на работу, не раз терзался сомнениями, просидел уйму времени в библиотеках, где оставил колоссальное количество сил и энергии, работал за всеми видами компьютеров, потратил все свои средства и сбережения, залез во всевозможные долги, даже не представляя, как и чем он их будет отдавать. Идея была важнее. Она сама это знала, заставляя его работать, считать, залезать в долги, чтобы снова работать и считать. Теперь Влад уже не торопился, ходил от тропочки к тропочке по плато, куда вывела дорога по краю косы, ведущей от берега к мысу Кожевникова, или к сопке Кожевникова, как называлась эта скалистая гора, далеко выдающаяся в море, в Чукотское море, являющегося частью Северного ледовитого океана. Влад, не торопясь, устанавливал тре-

ноги с лазерными указками, по миллиметру выравнивая их по отношению друг к другу и к центру шестиконечной звезды, в котором стоял обычный теодолит. Влад тщательно измерял углы наклона указок и доводил до микрона выверенные расстояния, непрестанно заглядывая в свои расчеты. Оборудование он привёз на одолженном УАЗике своего старого друга, школьного товарища, который и помог. И который теперь, неизвестно уже с какого времени опасавшийся современной техники, отошёл на почтительное расстояние в сторону. Места для установки оборудования хватило, стояло полярное лето, его конец, так что и времени на эксперимент должно было хватить. Влад не спешил, нельзя было ошибиться ни на толику, это имело самое важное значение в предстоящем опыте, если можно было ожидать результат. Кабели от лазерных указок сходились к теодолиту, даже не к теодолиту, а в центр шестиконечной звезды, где и стоял сейчас Влад и с десяток больших аккумуляторов, которые без объяснения причин были сняты с разрешения и с помощью того же друга с нескольких автомобилей, стоящих в гараже предприятия, в котором друг Влада и работал.

– Андрей, мне необходимо питание, – просто сказал однажды Влад, облазив окрестные места, которые он стал уже забывать., – Двенадцать вольт достаточно, но большой ёмкости. Автомобильные аккумуляторы.

– Сколько штук? – деловито осведомился хозяин. Сергей занимал должность заместителя начальника Шмидтовского отделения ОАО «Северовостокзолото», имел серьёзные возможности и мог позволить себе не спрашивать о странном поведении Влада и о его странных поездках на персональной автомашине хозяина, переданного им, хозяином, в полное распоряжение гостя на время его визита.

– Сколько нужно аккумуляторов? – повторил тот же вопрос Андрей, видя, что Влад задумался. Исследователь явно что-то считал. В уме.

– Я думаю, – протянул он, – смогу суток за пять что-то получить. Ну... За неделю. Это часов сто пятьдесят – двести. Двести ампер-часов достаточно! – Понятно, – кивнул Сергей, – заряжать новые смысла не вижу. Возьмёшь из гаража, у них всегда на вездеходах запасные есть, готовые – залитые и заряженные. Там, у них, 24 и 12-вольтовые, сам выберешь. Держи! – Сергей протянул записку начальнику гаража, она же была и распоряжением, – Скажешь, что я приказал!

Получив также и дополнительные клеммы с переходниками, Влад всё собрал и изготовил серьёзную батарею, где-то ампер на четыреста общей ёмкости. Остальное было приготовлено заранее. Всё Влад привёз с собой, даже кабели питания и пульт управления, состоящий из целых двух тумблеров – для включения питания и шагового переключения мощности. А вот остальное время Влад потратил на эти самые микроны, выверяя всё теодолитом, с максимальной возможной точностью. К обеду приготовления были закончены и Влад занял место в центре шестиконечной звезды. Он не волновался, он уже давно не волновался. Волнения остались позади. Все переживания, сомнения, долги, всё... Изобретатель был уверен – Проектор з а р а б о т а е т! Влад уже не помнил, в какой момент в нём зародилась эта уверенность, сейчас он просто знал и всё! Возможно, лишь маленькие нюансы могли как-то повлиять на ход эксперимента, да и то, лишь отсрочив время его проведения, а, значит, и время получения результата. Успеха!

Став около теодолита, не шевелясь и, в самом деле, не дыша, чтобы никаким, даже лёгким движением воздуха не повлиять на отклонения лучей лазерных указок, Влад щёлкнул первым тумблером, включив питание указок и поставил тумблер управления мощностью в положение «МИНИМУМ». Влад ждал. Он знал, что успех будет и ждал. Влад привёз с собой одеяла, примус, термоса, тушёнку в металлических банках, сухой спирт и ещё многое, что необходимо было для исследования и выживания в этих хоть и летних, но далеко не комфортных условиях. Запаса энергии аккумуляторов должно было хватить надолго. Все расчеты были произведены согласно выкладок и выводов и все, даже мельчайшие детали опыта, давно уже роди-

лись, выросли и сформировались в его голове. Мозг переработал поданную ему информацию и смоделировал результат. Всё это плотно лежало в голове изобретателя, мыслителя. Остался последний этап – эксперимент!

Теперь, действительно, оставалось только ждать. И – смотреть в оба! Бинобль и фотоаппарат лежали в машине. Но пока не происходило никаких изменений. Нигде! Влад ещё раз осмотрел линию горизонта в полукруге от того места, где находился сам и где стояло оборудование. Ничего не было заметно, никаких отклонений от исходного. От горизонта, воображаемой линии, разделяющей землю и небо, не отходило ничего. Горизонт оставался горизонтом. Обычным горизонтом. Влад переключил тумблер управления мощностью на следующее деление, внимательно посмотрел на горящие зелёным светом светодиодные индикаторы, говорящие о нормальной работе лазерных указок и пошёл к машине. Он сильно перенервничал, хотя тщательно скрывал это даже от самого себя и хотел есть. Просто есть. Тушёнка, хлеб с чесноком, шоколад. Влад был почти счастлив – оставалось дождаться результата! Идея не могла не превратиться в результат, иначе не могло быть. Не могло!

А мыс Кожевникова был очень красив, загадочно красив! Был август – самый тёплый и ласковый месяц на Чукотке, температура воздуха поднималась почти до двадцати градусов по Цельсию. На клочке земли, ограждённом с одной стороны неприступными скалами, а с другой – узким перешейком, ведущим на берег, росли все растения, которые только и могли вырасти в этой суровой части света, где попросту нет света по полгода и мороз за сорок, где постоянные ветра и просоленный воздух, где вечная мерзлота не позволяет вырасти чему-нибудь питательному, столь необходимому для жизни... Растения – одногодки, даже больше – однодневки. Или карликовые деревья, вцепившиеся корнями в сантиметры земли, отогревающиеся за короткое полярное лето, умудряясь, за такое короткое время, запастись и солнцем и водой, и какими-то солями и минералами на все последующие месяцы стужи и ночи, когда они погружаются в ледяной анабиоз до следующего коротенького лета. Весны на Чукотке нет, есть только лето, а потом – только зима! Палитра красок и оттенков меняется очень быстро – буквально за сутки, цветовая гамма окружающего пейзажа перекрашивается практически, как говорят, на глазах. За этот короткий период праздника жизни полярные растения успевали всё... И влюбиться, и любить, и произвести потомство, и вырастить его, и рассадить это самое потомство, и, самое главное, передать потомству опыт жизни!

Это была жизнь Чукотки! Такая милая, из далёкого детства! Влад когда-то часто приходил сюда, на это самое место – мыс Кожевникова, бродил по крутому снежному берегу, по этому клочку земли. Скалистая сопка ему нравилась. Она внушала уважение. Она сопротивлялась великому Океану и сопротивлялась успешно. Даже очень успешно! Казалось, она была сильнее Океана! Возможно, на этой самой сопке, в седой глубине веков, древние народы Чукотки проводили какие –нибудь свои таинственные обряды. Влад иногда замечал, странной формы камни, выложенные полукругом, явно не случайно, и не природой. На довольно крупном и плоском камне, в центре, было углубление, как будто бы для маленького костра. Этот камень Влад так и использовал – он разводил в углублении камня огонь из таблеток сухого спирта, разогревал на этом огне банку с тушёнкой, настоящую армейскую, с огромным куском мяса и с очень вкусным холодцом внутри. После того, как он половину банки съедал, он наполнял её чистым снегом, который ещё оставался и весь не таял за короткое полярное лето и снова ставил на огонь – получался превосходный суп! Такого супа учёный ещё нигде, ни с кем и никогда не ел! Всё объяснялось до безумия просто, с высоты уже прожитых Владом лет – просто в его взрослом мире никогда не было такого удивительного, нежного, девственного снега, чистейшего, без всяких примесей – на тысячи километров вокруг тогда были только тундра и океан, не было ни одного проявления жизнедеятельности человека – ни заводов его, ни фабрик, ничего другого, откуда человек якобы «черпает» свою цивилизацию, уничтожая цивилизацию небесную. Это была территория «залётных» белых медведей, местом рождения

которых, считается, как говорят, остров Врангеля, который находится чуть севернее берегов Чукотки. Влад ел тогда свой супчик на древних камнях и мечтал о далёких, чужих мирах, о путешествиях и о будущей жизни. О своём будущем! Он думал иногда и о людях, живших здесь задолго до него и так же как он сейчас, сидевших на этих самых камнях, думающих и рассуждающих о своей будущей жизни, о своих семьях, о своих друзьях. Влад постепенно собрал целую коллекцию из различных предметов, найденных им во время своих коротеньких, на пару-тройку часов, экспедиций на этот самый мыс Кожевникова. Он находил на берегу моржовые зубы, прекрасно сохранившиеся в челюстях, находил клыки белых медведей и их же черепа, находил большие куски моржовых клыков, может быть, и не совсем моржовых, из которых после отделки делал сувениры, которые раздаривал своим друзьям и знакомым. У Влада было на мысе и любимое место – «Чёртов палец»! Это тоже было оригинальное и очень интересное место. Из самого океана торчала ровная скала, достигающая в высоту более ста метров. Между скалой и остальным скальным массивом было расстояние в длину протянутой руки. На самом верху торчащей одиноко скалы находилась площадка, где мог поместиться стоя человек, а рядом, ещё метра на четыре, скала продолжалась выше, как будто перстом указывающая куда – то вверх. Внизу волны били в этот палец со страшной силой, пена поднималась высоко, но даже в сильные штормы до верха брызги не долетали. «Чёртов палец» находился в самой отдалённой, в самой скалистой, в самой недоступной части сопки – мыса Кожевникова и был как будто её символом – знаком неприступности и упрямства, гордости и постоянства.

Вспоминая свои походы, Влад не спеша доел тушёнку. Снега не было – теплынь, август. Поэтому банку пришлось отложить, засунуть в пакет и оставить в машине, выбросить её здесь не смог бы, наверное, даже самый ярый враг природы. Влад поднялся и осмотрел горизонт – кругом было чисто. Он прошёл к своему устройству, щупальцами раскинувшемуся от центра – кучи аккумуляторов и треноги теодолита делали его вид фантастическим – и переключил режим увеличения мощности на максимальный. В этом, в принципе, необходимости не было, нужно было, следуя предположениям Влада, просто ждать! Ничего, естественно, не произошло и Влад снова пошёл к УАЗику. В машине он покрутил ручки настройки радиоприёмника, поймал что-то на коротких волнах вроде музыки, вроде барабанного аккомпанемента к музыке и снова задумался. То, что он сейчас делал, было авантюрой в чистом виде. И даже к науке не то что отношения не имело, а напротив, её опровергало! Что-то среднее между мистицизмом и робкими предположениями о существовании чего-то, что хоть как то могло объяснить появление миражей или галлюцинаций, как их называют люди. Или видений – картинок из прошлого, как их тоже иногда называют. Или того, как может человек вдруг увидеть нечто такое, что происходит от него очень далеко, иногда в другом полушарии Земли! Влад и сам не представлял, откуда у него самого появилась эта фантастическая теория, у него была и на этот счёт своя догадка, но, к сожалению, ничем пока не подкреплённая и не обоснованная. А люди, всё же делали опыты, пытаясь как-то разгадать, найти объяснения происходящему сплошь и рядом. Попыток дать ответ на этот парадокс было предостаточно, но достоверного не было ни одного! Всё – не то! Влад перечитал горы литературы, потом просто перестал тратить время на это чтиво и стал вплотную заниматься той идеей, которая однажды так неожиданно пришла к нему в голову. Своей собственной Идеей! Которая в конечном счёте и привела его сюда, на мыс Кожевникова, на Чукотку! Влад совершенно машинально посмотрел на часы и чуть не ахнул – было уже двенадцать часов ночи! Солнце ходило по кругу – к горизонту даже не приближалось. Скоро оно начнёт садиться и вставать, как и на материке, будет даже что-то вроде суточного цикла – день и ночь, но это будет длиться недолго – меньше одного месяца, даже ещё меньше. А потом, однажды, Солнце не встанет. И настанет Ночь! Полярная ночь – с северным сиянием и звёздами. И с абсолютно чёрным небом! Атмосфера земли в районе полюсов – Арктики и Антарктиды – тоньше, поэтому и цвет неба был не такой, не привычный. Без пяти минут двенадцать, за пять минут до полуночи, Влад закрыл глаза и заснул. Ему

совершенно ничего не снилось – он просто отдыхал, находился в своей юности, когда ему было всего пятнадцать лет, а впереди – вся жизнь, когда ещё никто не знал, куда пойти учиться дальше, после девятого класса, а не то, что после десятого, когда ещё прятали от взрослых цветные глянцевого журналы, подаренные моряками – моряками с огромных сухогрузов, стоящих на рейде недалеко от берега, ожидающих своей очереди под разгрузку, к которым днём и ночью сновали катера и баржи, вывозившие с этих самых сухогрузов огромные массы грузов, без которых цивилизация бы в приморских посёлках не смогла существовать. В журналах этих были не совсем одетые девушки, а порой и вовсе не одетые. Влад, разглядывая цветные глянцевые страницы, не мог поверить, что так оно и есть, там... У девушек! Но это были настоящие фотографии и им приходилось верить, что так оно и есть, и только удивляться чудесам природы, настолько извратившей понятие «человек». Насмотревшись таких журналов, Влад, потом, искоса поглядывал на смеющихся одноклассниц, пытался представить у них то же, что видел на картинках, но у него это не получалось. Ну, а попросить какую-нибудь из них показать себя для сравнения, как-то не решался. В те годы это было очень неприлично и пошло. Так и уехал тогда Влад с Чукотки, не успев сравнить какой-либо оригинал с фотографией из этих журналов, он мог оказаться как обманом, так и правдой, в зависимости от сравнения. Оригиналы были, даже сидели у Влада на руках, но это было всё, до чего доходили тогда отношения между молодыми людьми. А может, дело было вовсе не во Владе, а в толстых и тёплых шубах и шапках, покрывающих оригиналы. Ну и, конечно, температура окружающей среды – намного ниже нуля градусов, сильно мешали этим исследованиям...

Влад сладко заснул, а скоро в небе, над горизонтом появились туманные очертания, постепенно становясь контрастными, превращаясь в цепочку кораблей. Каравана кораблей, проводимого ледоколом. Караван шёл на высоте спичечного коробка над горизонтом – между океаном и небом. Солнце было за спиной Влада, огибая сопку кругом и лучи его упирались прямо в корабли. Караван медленно уходил... Через десять минут очертания размылись и караван пропал. Влад мирно сопел в своей юности – он не успел увидеть начало работы своего проектора...

Утром ничего не изменилось. Влад в течение дня, несколько раз изменял мощность, щёлкая тумблером, но ничего не происходило. Пошёл второй день эксперимента. Взяв бинокль, Влад перебрался на другую оконечность плато, выходящую на мыс Вебера, за которым стояли под разгрузкой сухогрузы. Навигация на Севере идёт два – три месяца, за это время караваны судов, ведомые, на всякий случай, ледоколами, должны пройти по всему Северному морскому пути, туда и обратно, иногда проходя через Берингов пролив и спускаясь до Владивостока, чтобы на следующий год повторить этот путь снова, уже в обратном порядке. В поселки завозились тысячи тонн продовольствия и топлива, строительных материалов и товаров первой необходимости, различной техники и привозили людей, много людей – новые партии, смены, полярных станций. Сотни и сотни людей различных профессий и специальностей, идущих, едущих и летящих к месту посадки на корабли каравана, для отправки на очередную зимовку. Затем эти грузы и эти люди ручейками рассасывались по посёлкам, станциям и избушкам. И времени на все эти переходы, разгрузки и погрузки у каравана два-три месяца. И это при условии, что шторма не начнутся, когда и выгрузка невозможна, и сам поход задерживается или даже становится под вопросом. Поэтому и спешили все эти катера, боты и баржи, снуют туда – сюда, от сухогрузов до берега и обратно. Каждую драгоценную минутку берегли, таща на себе – в трюмах и на палубах, «НЗ» – еду и технику, пришедшую в адрес метеорологов и других работников Севера. Не спал никто в эти дни, работая на износ, обеспечивая своё право на жизнь в течение оставшихся девяти месяцев, до следующего каравана – каравана спасения! Больше никаких дорог для помощи не было, авиация перевезти такие объёмы не в состоянии.

Мыс Вебера был военным объектом, насколько помнил ещё Влад, прожив здесь два года. Мыс Вебера бал военным объектом всегда. На нём располагалась локаторная станция дальнего обнаружения, которая, возможно, являлась самой дальней северо-восточной точкой сети таких же локаторных станций, расположенных по всей границе СССР. А вот за мысом, в небольшой глубокой бухточке, и находились все семь кораблей, прошедшие караваном по Северному морскому пути, чтобы доставить груз и в этот далёкий и странный посёлок, стоящий на берегу океана и являющийся, в свою очередь, тоже перевалочной базой для отдельных пунктов и геологоразведочных баз, расположенных ещё дальше от берега, в глухой тундре. Работа вокруг сухогрузов кипела, море покрывали десятки мелких и крупных плавательных средств – ПС, которые целыми сутками, не останавливаясь, выгружали то, что предназначалось для этого пункта выгрузки. Люди и техника, умело руководимая людьми, старались изо всех сил сократить время выгрузки и дать возможность каравану уйти раньше графика выгрузки на другой, соседний пункт, где его, караван, уже все с нетерпением ждали, также готовые к выгрузке. С такой оперативностью работали все пункты, действительно осознавая и не раз на себе испытывавшие, что промедление смерти подобно. Погода на Севере, а уж на крайнем, тем более, меняется мгновенно. Насмотревшись, в бинокль, на сухогрузы, Влад перевёл взгляд на средних размеров кораблик, но какой-то мощный утюжок, стоящий чуть в стороне, чтобы не мешать суете. Это был ледокол «Седов», приведший караван сюда и готовый отвести его, караван, дальше, пробивая путь в ледяных торосах своей мощной грудью. «Седов» был могуч и красив! Его обводы отличались от остальных судов, рассчитанных для перевозки грузов, большого водоизмещения. Свои небольшие размеры ледокол компенсировал мощным видом и чувством полного превосходства над транспортниками. Насмотревшись вдоволь. Влад возвратился на свою сторону плато. Там всё также ничего не происходило. Ничего! Проверив цепи и зелёные лампочки, Влад переключил тумблер управления мощностью и с досадой сел в машину. Шли уже четвёртые сутки дежурства, менять настройку лазерных указок, выбирать другую точку проекции, было бы неправильно. Всё равно самым правильным решением было ЖДАТЬ! Ждать и ничего более! Влад уже не раз задавал себе вопрос: – А что, если не будет изображения? Что, если он в ошибся в расчётах? До этого момента он так был уверен... Что тогда делать? Может, всё-таки изменить настройку иницирующей системы, перенести её на другую точку? Но тогда снова встанет вопрос – когда будет включён проектор для демонстрации выбранного Владом участка глобальной системы информационного поля? А если... Влад просто оцепенел. Он ждал изображение, поставив линзу перед проектором, который включался в неизвестные Владу моменты, неизвестно откуда и когда? И насколько? А если он начнёт проекцию через указанную Владом точку, в час ночи, когда Влад спит? Или включался в 18.30, сегодня, когда Влад ходил с биноклем, разглядывать суда, стоящие на рейде, около мыса Вебера? А если он уже включался?! А он, Влад, то спит, то ест, то в бинокль смотрит, то... Безответственность! Влад ругал себя за нелогичность своего мышления, своих поступков и своего анализа – необходимо было организовывать круглосуточное наблюдение, меняя мощность излучателей-указок и рассматривая горизонт постоянно, благо полярный день позволял это делать. И всего-то нужно для этого дела двоих – самого его и помощника. Спать и есть по очереди и смотреть, смотреть, смотреть, и еще раз смотреть на горизонт при работающих лазерных указках! Влад выпил чашку крепчайшего кофе и пошёл к берегу, машинально взглянув на часы — полночь. Полночь на Севере ничем не отличается от полудня, поэтому спать не хотелось совсем. И вообще, сон совсем улетел, когда Влад увидел над горизонтом силуэты! Это были корабли! И они проходили выше линии горизонта, в расчётной точке появления миражей, именно там, куда они проецировались, пройдя от проектора, схему которого осталось теперь только нарисовать, через точку, указанную Владом с помощью лазерных указок! Чтобы проверить это, нужно было теперь выключить лазерные лучи, построившие линзу и выбрать файл, который Влад сейчас видел.

Огромными прыжками человек нёсся к центру плато. Добежав до пульта, лежащего на груди аккумуляторов, в центре установленной шестиугольной звезды, человек обернулся, вглядываясь в горизонт. Корабли были! Человек щёлкнул тумблером, не отводя глаз от горизонта, над которым шли корабли. Корабли как-то затуманились и исчезли! Человек, не сдерживая волнения, снова перевёл тумблер вверх – корабли появились мгновенно! Человек смотрел, как они дошли до какой-то границы, словно до конца экрана, и один за другим, сошли с него. Пропали, растворились в воздухе, ушли из поля зрения! Человек победил! Он снова стал Владом, севшим прямо на холодную землю, рядом с аккумуляторами, счастливо, в безумном волнении уставившись на море. Влад изобрёл ПРОЕКТОР! Всего лишь – изобрёл проектор! Немного необычный, но всё же это был самый настоящий проектор – экран, линза или встроенный диапозитив и мощная лампа, свет от которой проходил через картинку, хранящуюся в файле, отражая её на экране. Картинку в движении, что уже становилось небольшим кинофильмом. Это был видеопроектор! Влад опрокинулся на спину и захохотал. Он был похож на пьяного, лежащего без сил и, всё равно, радующегося жизни. Сравнив себя с этим пьяным, Влад резко подскочил и направился к машине, из которой достал «НЗ» – бутылку отличного коньяка...

После выпитой им, «на радостях», бутылки, Влад спал долго. Коньяк был превосходный, закуска, состоящая из сала, чеснока, копчёной колбасы, тушёнки – отменной. Продуктами Крайний Север обеспечивался первосортными и качественными. Вообще обеспечение на севере отвечало самым высоким стандартам, иногда самый обычный «северный» магазинчик, со своим шикарным ассортиментом, не шёл не в какое сравнение с магазином «материновым». А может на сон повлияло то, что Влад увидел этой ночью, так называемой ночью, над горизонтом? Поэтому он и не услышал, как к машине подошёл Андрей.

– Доброе утро! О, а я вижу, ты здесь не скучал?! – достал из машины пустую бутылку из-под коньяка Андрей

– Я жизни радовался! – ответил, улыбаясь, Влад. Он, действительно, радовался жизни. И было ведь, чему! Только вот говорить об этом не хотелось. Да и не надо, хотя бы пока.

– Я тут юность свою, то есть нашу, вспомнил. Помнишь, как мы вместе, здесь, по этому мысу, по сопке, бродили после школы?

Андрей молча присел рядом и задумчиво улыбнулся, явно вспоминая самый прекрасный период времени своей, ещё совсем недавней, жизни.

– Влад, я вечером заеду снова, хорошо? Сейчас на разгрузке нужно быть, а вечером смену сдам и к тебе. Я тоже кое – что вспомнить хочу! – Андрей многозначительно показал на бутылку.

– Ты только коньяк пьёшь?

– Я всё пью! – в тон ему ответил Влад.

– Ну, тогда я с корабля что –нибудь возьму! Они недавно в Японии были, я вчера с помощником капитана разговаривал – мировой мужик! А журнальчики, с тёлками, помнишь? – вдруг загадочно и не к месту спросил Андрей. – А, ну да ладно! Давай, до вечера!

С каким-то мальчишечьим криком Андрей стал перемещаться в пространстве, направляясь к берегу, где его ждали. Улыбаясь в спину друга, Влад пошёл проверять аппаратуру. Удивлять, так удивлять! Проверять было особо нечего, всё работало в штатном режиме. Остаток дня, уже приблизительно зная время появления картинка, или время включения проектора, Влад провёл за вычислениями расстояний от указанного лазером файла, то есть точки в атмосфере Земли, до центра шестиконечной звезды и до возможного источника излучения света, проявившего на экране-горизонте караван кораблей, проходя через этот файл. Выводы казались парадоксальными. Влад снова и снова проверял расчёты, не желая с ними спорить. Опровергать их. Расчёты выводы подтверждали. Он понял схему создания природного проектора, который он просто заставил сегодня, показать этот файл, караван кораблей, иницииро-

вав линзу на остриях лазерных указателей. Сделанных собственноручно, кустарным способом. Влад до самого вечера думал, пытаясь вычислить и возможные перспективы этого изобретения.

Влад пребывал в задумчивости, когда в стекло машины постучали.

– Войдите! – весело он вскрикнул, увидев в ярких солнечных лучах лицо друга.

– Уже восемь! – выдохнул Андрей, падая на заднее сидение УАЗика. – Слушай, пошли на наши камни! – вдруг предложил он. – У меня тут... – позвякивая чем-то в плотном пакете,

Друг пошёл вперёд, к тем самым камням, где и был в последний раз Влад, вспоминая прошедшие года. Они часто, в детстве, здесь бывали. С Андреем. Вместе растапливали снег в банках, да и так – просто сидели и смотрели на океан в зимнее время, когда пурги не было. Разложив по пластиковым тарелкам нехитрую снедь, прихваченную Владом из машины и свою, принесённую в пакете, Андрей торжественно извлёк из этого же безразмерного пакета глиняную бутылку.

– Саке! Настоящее, прямо из Японии! Как обещал. Старпом подарил.

– Давай сразу за наш Север! – сразу предложил Влад.

Постепенно подходило время, которое он и ждал.

– Андрюха, подожди минуточку, я сейчас!

Влад прошёл к аппаратуре, пришлось пройти метров двести, и включил питание лазеров. Когда Влад вернулся, призраки уже шли по морю.

– Андрюха! Дружище! А это ты помнишь?!

Друг посмотрел на корабли.

– О! Да это же наш караван! – изумился Андрей и от неожиданности подскочил. – Они же здесь стоят, мы их выгружаем! Вот это да! Не понял!

Владу было очень важно услышать о караване из уст друга. Теперь он знал, что это не болезненное воображение его психики, а это свершившийся факт открытия, воплощение в жизнь его ИДЕИ! Андрей не ошибся. Это был, действительно, «их» караван, Влад теперь его тоже подробно рассмотрел. Он узнал характерный нос ледокола «Седов», идущего впереди.

– Слушай, а когда это?

– Не знаю. Это прошлое. Причём, недавнее, этот караван был уже в походе, шёл в нашу сторону.

– Влад, я часто такое здесь вижу, в этих местах. Да ты и сам знаешь. Мы же с тобой здесь три парусника видели, в том же месте, помнишь, в детстве! А парусники в наших широтах вообще не ходят!

– Стой, Андрей! Давай попробуем сфотографировать их?

Влад кинулся к машине, схватил фотоаппарат и через секунду вернулся.

– Стань прямо перед ними, чтобы вместе! – попросил он Андрея. – Всё, готово! Ещё разочек. Готово! Теперь давай вместе!

Влад поставил фотоаппарат на грудку каких-то камней, навёл на караван, ещё раз проверил все параметры наводки фотоаппарата, включил автоспуск и быстро встал рядом с Андреем, изобразив на своём лице счастливую улыбку. Сделав ещё пару таких автоматических снимков и зафиксировав караван на «цифровик», постарался, чтобы в кадр попали и он, и караван кораблей, во главе с «Седовым», и Андрюха. Корабли были далеко, но разрешение на фотике Влад установил максимальное, чтобы при хорошем увеличении, например на компьютере, корабли должны были стать хорошо различимы.

– Всё, пошли допивать и я домой! – заторопился Андрей. – У меня же с утра снова разгрузка, сам знаешь, что такое навигация!

Влад не возражал, саке ещё оставалось, да и поговорить ещё было о чём...

Андрей отчалил часа через два.

Влад ещё довольно приличное время возился со своим фотоаппаратом, то увеличивая снимки, то уменьшая, то переставляя их, то возвращая назад, пользуясь возможностями своей,

довольно приличной, «Миолты», пытаюсь разглядеть кораблики за спиной у Андрея, которые выглядели, как точки над линией горизонта.

– Ладно, дотянем до «компа», найду я вас!

Влад отложил фотоаппарат в сторону и лёг спать. Завтра предстояло ещё раз проверить расчёты, строя схему проектора, который он сам же и запустил, устроив этот самостоятельный просмотр видеофайлов. Нужно было ещё раз проверить все расстояния и зарисовать схему шестиугольной звезды, построенной по линиям параллелей и меридианов, с верхним лучом в сторону северного направления.

– Надо было попробовать изменить мощность при начавшемся видеоизображении, но это можно и ночью попробовать, в двадцать четыре часа. Надо было...

Наметив план работы на завтра, он заснул. Но сновидений так и не было.

На следующий день Влад был в посёлке. Оборудование он сворачивать не стал, не собираясь отсутствовать долго. Просто кое – чего не хватало для работы. Вот этого кое – чего и не оказалось в посёлке, о чём можно было бы сразу догадаться. Не было интернета – провайдеры до Чукотки ещё не добрались и, казалось, вряд ли когда доберутся. До ближайшего города, до Анадыря, было шестьсот км, до Магадана – две тысячи. Ещё были Певек, Ванкарем, Иультин, Билибино, но это уже ближе к Магадану. В Анадыре тоже интернета не будет. И мобильной связи тоже не будет! Остаётся Магадан. Но, в таком случае, лучше уж лететь прямо в Москву! Да ещё карты звёздного неба найти не успел... Влад не был сильно расстроен, просто ему хотелось одним выстрелом всех зайцев убить. Единственно в чём Владу повезло – он нашёл в библиотеке современный морской справочник, где были собраны и описаны все корабли мира, их названия, очертание, водоизмещение и другие необходимые данные. Данные, по которым их можно опознать, даже если они сменяют названия, заварят иллюминаторы, спилят кусок капитанского мостика. Прикупив в магазине ещё продуктов и понравившегося коньяка, прихватив и пару бутылок водки, предполагая кучу дополнительной работы и увеличение срока экспедиции ещё, как минимум, на неделю, Влад не спеша поехал на свой бивуак.

А там были гости!

– Эй, аллё!

Кричать было бесполезно и нечем, Влад просто задохнулся от увиденного.

На полной скорости чужой вездеход проехал своими гусеницами прямо сквозь аппаратуру инициирования луча, раздавив теодолит и кучу аккумуляторов, порвав и перепутав почти все энергетические кабели, доехав до облюбованных Владом и Андреем плоских камней, расположенных полукругом, и остановился. Вероятно, это произошло почти сразу после отъезда Влада – на камне, в центре круга, уже во всю пылал костёр, на котором, в котле, варился олень. Голова и рога животного лежали рядом. Влад вспомнил, как много в детстве он находили таких вот голов и рогов, но внимания этому никакого не придавал. Чукчи, приехавшие не на оленях, а на вездеходе, явно готовились произвести какой – то обряд. Был и настоящий шаман с бубном и своеобразной колотушкой, уже облачённый в свою загадочную одежду, облепленную какими-то погремушками, костяшками и тряпочками. Вглядевшись в людей, толпящихся возле камней, Влад почему-то сообразил – это свадьба! Самая настоящая чукотская свадьба! Подъехав к разрушенному устройству, Влад остановил машину и вышел из неё. Его заметили, но ритуальных действий не прекратили. Влад стал растаскивать раздавленные гусеницами аккумуляторные батареи, разбирая скрученные кабели, загружая всё, пришедшее в негодность, своё опытное оборудование, в машину. Один из приезжих, наконец, подошёл к нему.

– Какомэй! – громко возмутился Влад, вспомнив одно из немногих слов, услышанных и запомнившихся им в школе – интернате, где с ним и с Андреем, вместе, учились дети из отдалённых стойбищ – чукчи и эскимосы.

Подошедший, от этого слова, услышанного от совершенно русского, с виду, человека, в джинсах и рубашке, приехавшего на УАЗике и без крика и слов, молча, разбирающего раз-

давленные их вездеходом аккумуляторы и всё прочее, просто подпрыгнул на месте. Обычный возглас удивления по поводу случившегося, прозвучавший как сожаление или как простой вопрос – «Зачем?», заставил этого, почтенного с виду возраста, человека, одетого в лёгкие оленьи шкуры, заволноваться и что-то прокричать в сторону своих собратьев. Мгновенно Влада окружила толпа раскосых людей, с узкими глазами, одетых в шкуры. Все жарко и одновременно что-то говорили Владу, трогали его за руки и заглядывали в глаза. Разбитые аккумуляторы и разорванные провода были в один миг уложены в машину. Народ затих, ожидая, по всей видимости, ответа от Влада.

– Етти! Етти тыетык! – ошаршил их ещё больше Влад.

Вот теперь он не помнил больше ничего точно из чукотского языка. Но и этого оказалось достаточно, чтобы Влада схватили за руки и потащили к вездеходу, к белым камням. Да, это была, действительно, чукотская свадьба! Около костра, в центре, посадили невесту и жениха, шаман совершал какой – то ритуал, прыгая вокруг них, что-то периодически выкрикивая, бормоча и ударяя в бубен. Человек со сморщенным лицом, который первым подошёл к Владу, что-то проговорил на ухо шаману. Прекратив священнодействовать, тот подошёл к Владу и вполне цивилизованно протянул ему руку.

– Гость наш! – гортанно, по-русски, прокричал шаман, определяя, по-видимому, статус Влада среди собравшихся. Попытавшись ещё раз поговорить с Владом по-чукотски, постепенно все перешли в общении на русский, которым, оказалось, владели все довольно прилично, сказывалось обязательное образование, пусть даже и восьмилетнее. Да и молодых людей присутствовало здесь немало. Влад даже удивлённо подумал, как это в один вездеход поместилось столько человек, а когда из того же вездеход начали ещё вытаскивать ящики с водкой – добавление к мясу, которое варилось в большом казане, на костре, удивление перешло в восторг – иллюзионист КИО отдыхает!

Когда свадьба была в самом разгаре, шаман оказался рядом с Владом, продолжая что-то бормотать. Бормотать он не прекращал ни после второй, ни после третьей бутылки, которые разливал, почему-то, только себе и Владу. После четвёртой шаман снял с себя кожаный шнурок, с каким-то костяным клыком с дыркой, куда и был продет шнурок и, всё ещё бормоча, надел его на шею Влада. Походил ещё вокруг русского гостя, покачивая в такт шагам головой, наконец, успокоился, переключившись снова на молодожёнов...

Проснулся Влад один. Он лежал перед белым камнем, на котором не было и следа от костра. Не было ни одного следа от отгулявшей свадьбы! Ни одной бутылки, ни щепки, ни бумажки, ни какой-либо косточки, а уж тем более не было ни оленьих голов, ни рогов. Ничего! Никакого следа пребывания здесь, совсем недавно, людей! И если бы не эти шкуры, на которых Влад спал и которыми он укрывался... Влад плотнее завернулся. Было светло как днём. Да это и был полярный день, но на земле спать всё равно было холодно. Если бы не ровные следы от вездехода, продавившие траву и мох, если бы не гудящая голова и не... Влад вытащил за шнурок какой – то предмет, царапающий его грудь. Это был клык белого медведя, похожий на согнутый коготь огромной птицы. На клыке было что-то нацарапано, красивыми и очень мелкими буквами. Влад с трудом поднялся, подхватив с собой шкуру, на которой спал. Матрасом оказалась красивая кухлянка – верхняя одежда чукчей, куртка из оленьей шкуры.

– Хороший подарок на память! – произнёс Влад, путаясь в словах, застревающих между зубов. Дойдя до своей машины, он вытащил первым делом водку, которую купил, как будто прочувствовал её будущую необходимость. Налив в стаканчик граммов сто, Влад проглотил обжигающую жидкость как спасительное лекарство. В голове сразу прояснилось. Тогда Влад, забросив в машину кухлянку, сел за руль и, потрогав клык, привыкший жить за пазухой, медленно поехал с мыса Кожевникова по узкой белой косе.

Своё дело Влад сделал. Оборудование было уничтожено, но цель эксперимента оказалась достигнутой – Влад установил, что проекция информационного слоя на экран возможна! Влад

установил, что информационный слой Земли существует! Влад установил экспериментальным путем, что возможно инициирование работы природного проектора, его несанкционированное включение, без вмешательства самой природы, создавшей этот проектор. Оставалось лишь научиться им пользоваться, чтобы просматривать нужные, выбранные, из этого информационного слоя, кадры из прошлого и настоящего, показывающие, что происходило и что происходит сейчас на Земле, только находясь или на много лет, или за много километров вдалеке от нас. И для того, чтобы научиться им управлять, проектором, нужна была информация, которую достать, здесь, на Чукотке, было невозможно. Нужно было идти, ехать, лететь в Москву! А сейчас, Влад, как мог, мчался по тундре, благо на Чукотке, в этих Северных посёлках, нет постов ГАИ. Он мчался к Андрею, чтобы хоть очухаться и протрезветь после чьего-то праздника и от встречи с шаманом. Встреча уничтожила оборудование, с таким трудом собранное на материке и привезённое в этот далёкий край. Влад доехал благополучно и ввалился вместе с кухлянкой, воняющей, как всё оленьё стадо сразу, поселившееся в хлеву, в квартиру, к Андрею, где и попытался на эту шкуру лечь, прямо в коридорчике. Когда его засунули в отведенную гостю кровать, пустовавшую неделю, Влад уже спал.

Шаман пришёл под утро. Это был не сон – это был сам шаман!

– Вам ещё рано. Вы ещё не готовы!

Влад понимал всё, что говорил этот старый и странный человек, хотя там, на плато, возле белых камней, он его вообще не понимал. И даже смысл того, что говорил старик, Влад понял сразу. И он уже не догадывался, он уже как – то понял, что и вездеход не просто приехал и разворотил его изобретение.

– Н-е-е-т, – вдруг улыбнулся шаман, вернее, изобразил улыбку, растянув кончики губ. —Мы наехали случайно, мы спешили. Так, тоже понятно, бывает... Ты увидел прошлое. Ты можешь знать прошлое. Его ты не изменишь. Но ты можешь изменить настоящее. Своё. И других.

Шаман говорил отрывисто, короткими предложениями. Тщательно обдумывая каждое слово.

– Тогда изменится будущее. Ты становишься опасен для будущего...

Шаман замолчал и Влад вдруг понял, что он сейчас решает его судьбу. Он был на мысе пьян, сам шаман и Влад тоже, поэтому шаман решал сейчас. И он принял решение. Шаман не стал менять решение, уже принятое там, на плато, на мысе.

– Я дал тебе старинный оберег. Это для охотников, для жизни. Старинный оберег! Он тебя защитит. Мне его дали другие, которые были до меня. А им – тоже другие, которые были до них. Шаманы племени! Ты был с нами, знаешь наш язык,

Влад засмутился, шаман не мог не знать, что он знал всего несколько фраз из их языка, но что бы знать весь язык – это вряд ли. Может что-то по-пьяни Влад шаману пробормотал, вот и приняли за своего? Да, он жил здесь два года. Да ещё было... Но он же был маленький! Неужели та, с которой он поцеловался тогда, в восьмом классе... Чуть какая-то! Свой! Я – чукча! Влад усмехнулся про себя, не показывая вида.

– Ты – наш! Поэтому я дал тебе оберег. Ты поймёшь. Потом...

Шаман ушёл, а Влад открыл глаза. Машинально протянул руку к клыку, мирно висевшем на его шее, на кожаном шнурке – клык уже сильно оцарапал грудь. Оберег... От чего? И к чему мы ещё не готовы? Были и ещё вопросы, но они не так сильно беспокоили Влада, как отсутствие материалов для дальнейшей работы. Главное было сделано – проведённый эксперимент показал, что Влад продвигался в правильном направлении! Опыт удался! Остальное было теперь, как говорят, делом техники! Расчёты, информация, опыты. Очевидно, предстояла ещё не одна поездка в эти края. Уже с новой, более современной аппаратурой. Предстояло просмотреть не один файл, где была сокрыта информация, а сотни их. Предстояло проникнуть в прошлое

на сотни, тысячи... лет! И за тысячи и тысячи километров настоящего. «Мы ещё не готовы!» – сказал шаман. Что он имел в виду? И кто будет определять нашу с ним готовность?

– Андрей, дружище, я всё сделал. Давай проскочим в аэропорт, узнаем, когда самолёт на Москву?

Влад уже возвратил машину другу, вычистив и вымыв её после своих экспедиционных исследований, бессонных ночёвок и фиксирования данных и теперь просто бродил пешком – посёлок был небольшой и обойти его весь можно было минут за сорок.

– А что ехать-то? Ничего с тех пор не изменилось, всё одно и то же – три раза в неделю борт из Москвы прибывает и на следующий день, с тем же экипажем – обратно, в Москву! Вот. Да ещё два грузовых борта, с золотом, от нас идут. Но на них сложно попасть. Сложно, но можно. Только смысла нет – ни условий, ни хоть какого-нибудь обслуживания. Грузовик есть грузовик! А на пассажирский билеты есть всегда! Он же как транзитный считается, Москва – Хатанга – Тикси – мыс Шмидта и обратно. А вообще, давай-ка действительно проскочим, мне и самому там кое-кого повидать нужно!

За годы, что Влад не был в этих краях, не изменилось ничего! Вообще ничего! Даже здание аэропорта осталось таким же – двухэтажное деревянное сооружение, с буфетом и залом ожидания мест на десять. Билеты, как и предполагал Андрей, были. Как говорят, куда угодно, сколько угодно и на любое число! Протягивая паспорт в кассу, Влад попросил кассира оформить ему билет до Москвы, не стал наклоняться, заглядывать в окошко. Но оттуда неожиданно прозвучало:

– Влад!?

Он нагнулся и посмотрел в окошечко кассы. Девушка была не знакома, но она его явно знала. Вроде бы...? Корни у неё, несомненно, были чукотские, скорее всего, чукчанкой была её мать, но отец был явно европеец, об этом говорило её лицо – узкие раскосые глаза и правильный европейский нос, пухлые губы, нисколько её не портившие, а наоборот, делавшие её привлекательной и вообще, овальное лицо. Как это бывает почти всегда, при смешивании представителей двух рас получается очень красивое потомство!

– Влад. Это же я! Марина! – рассмеялась девушка, рассматривая Влада из окошечка, – Кайгалагвэ!

Влад припомнил, но только по фамилии. Да и прошло ведь столько лет! И тогда они были в детстве!

– Я сейчас! – Марина захлопнула маленькое окошечко и через секунду появилась из двери, находящейся здесь же, со стороны Влада.

Перед ним оказалась стройная, невысокая девушка с иссиня-чёрными волосами, правильными чертами лица, открыто улыбающаяся и прямо-таки излучающая радость. Влад обернулся – Андрея рядом не было. Знал, точно ведь знал, что сегодня в кассе работает Марина, поэтому так быстро и согласился проехать. Да и ехать-то необходимости никакой не было – билет можно было заказать по телефону.

– Маринка! Ну, ты и расцвела! Красотища-то какая! Повезло же кому-то! – теперь в свою очередь узнал и Влад девушку, стискивая её в своих объятиях. А Марина, нежно и с какой-то мягкой силой, прижалась к нему, утонув губами, глазами, лицом в его губах.

– Ничего себе – всю успел расцеловать! – через минуту только, отпущенная на свободу, тихонечко произнесла Марина.

– Не всю! – загадочно уточнил Влад, не отпуская её плеч, продолжая разглядывать её лицо, – Ты изменилась, повзрослела, очень похорошела, но узнать можно! Трудно, для непосвящённого, но можно! Ещё бы! Сколько времени прошло! Как же ты жила? Муж, дети?! – начал было Влад, но осёкся.

– Ничего, ничего спрашивай, нам скрывать нечего! – рассмеялась Марина.

– Кому это – вам?

– Нам, с дочкой, с Леночкой! Я её три дня назад замуж отдала. За хорошего человека! По любви! Сейчас это редко, Влад – по любви!

– Стой, стой! – насторожился Влад, дотронувшись рукой до оберега, скрывавшегося на его груди, под свитером. —А где свадьба-то была?

– Здесь в посёлке? По нашим обычаям, шаман со стойбища приезжал, на старом месте жертвоприношение, для удачной охоты, делал. Все ездили. На мысе Кожевникова, помнишь, были там не раз? – Марина заглянула в глаза Владу, —И целовались... – кокетливо напомнила она, освобождаясь от рук Влада, вцепившегося в её плечи.

– Так это твоя дочь была?! – внезапно дошло до него, что имел в виду шаман, сказав, что Влад – наш!

– Когда ты замуж вышла?

В зал ожидания вошли люди и направились к расписанию полётов.

– Влад, ты когда собирался улететь?

– Отменяется! Потом решим. Мне уже, вроде бы, некуда торопиться! Не знал я, что ты здесь, а Андрей, гад, не сказал сразу! – Влад, шутя, ткнул в бок подошедшего неизвестно откуда Андрея и все трое рассмеялись.

– Нет, он хотел. Это я не разрешила – чтобы ты все дела свои успел решить. Тогда, после всей твоей работы, и познакомились бы снова. Да и свадьба у меня, на носу была...

– То есть, не до Вас! – поправил Влад и все снова засмеялись.

– Марина, ты когда работу заканчиваешь?

– Да через полчаса, уже вроде пол-пятого.

Действительно, с этим полярным днём Влад никак не мог привыкнуть к тому, что время на часах не соответствует времени в жизни. По солнечным часам здесь жить было бы просто невозможно.

– Тогда, мы тебя подождём?

– Хорошо! Я скоро закончу.

Марина зашла обратно в кассу, к окошку которой уже подходили люди

– Андрей, она замужем?

– Нет, развелась пять лет назад. Муж был ничего мужик, да у них Ленка – просто красавица, активистка, спортсменка... Спился Витька. У нас работал, в «Северовостокзолото», инженером. И влип сильно. Марина его сначала просто из дома выгнала, достал, наверное, в конце, а после он и сам на материк уехал, откуда-то из Воронежа был, говорили А Маринка так и живёт одна. С Ленкой. А теперь уж совсем одна! – Андрей посмотрел на Влада.

– Свой! – думал Влад, прижимая сильнее клык к груди. Значит, вспоминала меня Марина, в ней половина крови – чукчей. Ведь и этим словам – чукотским, своему родному языку, она меня в шутку учила. Да так, что даже понимать я его почти стал, по крайней мере – смысл. И сам стал кое-что говорить. Тогда одноклассники смеялись – зачем? И Андрей смеялся, ведь учились они все вместе в одном классе, сначала в седьмом, потом в восьмом, в крошечной школе-интернате, в том самом посёлке – Рыркайпий, Шмидтовского района Магаданской области. В школе, от которой в двух километрах начиналась коса, ведущая на мыс Кожевникова, где три дня назад вышла замуж дочь Марины – Лена! Как же всё в жизни связано! Через полчаса Андрей уже вёз Влада, не выпускающего руку Марины, в посёлок.

– Так, други моя! Я вас оставляю часа на два, мне нужно в одно место сбегать. Потом заеду – поговорим. Хорошо?

– Андрей! – Марина смотрела на него, сидя на заднем сидении. Влад никогда раньше, хоть было это и давно, не помнил, может быть, не замечал в ней такой решительности. Тогда она была всего-навсего только девочкой, что-то вроде четырнадцати-пятнадцати лет. Хотя, может, в то время и не хотела она казаться решительной, всё ждала чего-то от Влада, вот и не хотела...

– Андрей! Завтра суббота, у тебя что с разгрузкой?

– Да как всегда, Марин, ты же знаешь!

В поселке если не всё, то почти всё жители знали друг о друге. А о разгрузке и говорить нечего – это была жизнь посёлка, его зимовка. Разгрузкой интересовались все, там работали почти все, свободные в это время, обитатели посёлка.

– Ты давай, работай! Сегодня отдыхай. И завтра работай спокойно. Завтра вечером и приезжай! А мы сами как-нибудь разберёмся!

Марина говорила уверенно, даже не взглянув в сторону Влада, чтобы оценить его реакцию. Смотреть вообще-то и не надо было. С самого начала рука Марины находилась в руке Влада, которую он так и не выпустил, наоборот, ещё сильнее сжав во время этого разговора. Андрей, внешне, никак не прореагировал – продолжал рулить. Где жила Марина, он знал. Да и странно было бы не знать это, прожив всю жизнь в одном посёлке. Подъехав к двухэтажному дому, Андрей высадил их возле одного из подъездов, сразу же уехав.

– Пойдём? – спросила Марина и сама пошла вперёд, показывая дорогу. Жила девушка на втором этаже, квартира была небольшая, но уютная, по всем признакам жили в ней только женщины, это было заметно по некоторым, не явным признакам. То ли дверца на шкафу покосившаяся, то ли полочка прибита не ровно, то ли... Эти приметы знакомы каждому мужчине, поэтому Влад убедился в отсутствии мужчин в доме быстро. Вообще-то мужчин в доме, у Марины, давно не было. Поняв это, Влад посмотрел на Марину уже с немым вопросом.

– Ну и что, ты меня целовал? – гордо встряхнула головой девушка. – Ты меня целовал? – повторила она, – Целовал. Вот теперь и обещай, как джентльмен, на мне жениться!

Марина шагнула к Владу и ещё не успев раздеться, прижалась губами к его губам, сама теперь обняв его за плечи. Язык у девушки бал тёплый и приятный, Влад задохнулся от воспоминаний и того, как они оба учились целоваться по-взрослому.

– Ничего себе, к чему могут привести эксперименты по проникновению в прошлое! – непонятно для Марины произнёс Влад, когда их долгий поцелуй на время прервался.

– Это ты о чём?

– Потом расскажу. Кофе у тебя найдётся?

Кофе у девушки нашлось и причём отличного качества. Влад ещё раз убедился в великолепном снабжении северных поселений. Марина, с горделивой кокетливостью, открыла дверцу одного из кухонных шкафчиков и предложила Владу:

– Ну-с, сударь, Вам какой? Выбирай!

Влад выбрал один из любимых сортов кофе, к удивлению его, оказавшегося в её коллекции и протянул баночку Марине.

– Хочу! – горячо выдохнул гость.

– Что? – не поняла сначала Марина. —А... Пошляк! —девушка вздохнула и разлила по чашкам ароматный кофе.

– Ой! А ты есть-то не хочешь?

Марина засуетилась, бросилась к холодильнику и стала извлекать оттуда различные тарелки, кастрюльки, кульки.

– Давай! У нас же со свадьбы столько всего осталось! Пропадает!

На стол, но уже из бара, перекочевали бутылка прекрасного вина и бутылка отличного коньяка. Влад открыл бутылки и разлил напитки в бокал и в рюмку.

– Ну, что, давай? За долгую разлуку или за мгновенную встречу?

– Нет, – тихо и задумчиво произнесла Марина, – Давай, за ждущую встречу!

– Давай! Мы слишком долго не виделись, – почему-то шёпотом произнёс гость, – До дна? За знакомство?

– За знакомство? – переспросила девушка, не отводя глаз от лица Влада. – А давай! – вдруг, опять гордо, сказала Марина и подняла бокал с вином.

Влад легко прикоснулся своей хрустальной рюмкой к её бокалу, раздался звук мелодии встречи, они выпили, не отрывая глаз друг от друга, глядя на себя из далёкого детства.

Больше уже не хотелось ни есть, ни пить. Хотелось только целоваться и крепко держать друг друга в объятиях, так, как они делали это много лет назад. Марина даже не отстранилась когда на пол, сама собой, стала падать её одежда. И снова, как в детстве, между ними вспыхнул огонь, тот самый огонь, который не оставляет нетронутыми сердца и души, тот самый огонь вечной любви, который зажигается между влюблёнными один единственный раз и уже никогда не гаснет. Этот огонь может затихать, может становиться не слишком жарким, может даже тлеть, но погаснуть этот огонь никогда не сможет! Этот огонь зажигается не здесь – не на Земле! Поэтому Земля и не может, да и не вправе его загасить!

Влад сгрёб свою детскую любовь в крепких мужских объятиях, поднял и в порыве всё поглощающей страсти понёс в спальню, к той широкой двуспальной кровати, которую он заметил сразу, как только вошёл в квартиру Марины. Между ними произошло то, до чего они не доросли тогда, в далёком детстве. Они любили друг друга жарко, без стеснения. Влад делал то, что не сумел, не успел, не смог, не хотел, не имел права сделать тогда – в далёком прошлом. Марина падала на кровать, уже ощущая Влада в себе, не осознавая и не понимая когда и как это произошло. Осознав, что она даже ойкнуть не успела, даже для приличия, Марина радостно засмеялась и, крепко обвив Влада своими крепкими ногами и руками, плотно прижала его к себе, погрузила его в себя целиком, всего. Они отдавались друг другу в беспомысленности, ничего не стесняясь, ни в чём друг другу не отказывая, забыв о так называемых рамках приличия, они любили друг друга, они пламенно любили друг друга, они были поглощены друг другом. Они слились в единое – стали одним целым!

Когда всё же Марина почувствовала, что ёмкости её ожидания не безграничны, она нехотя выпустила Влада из своих объятий и томно направилась в ванную, в которую следом вошёл и Влад. Здесь он, наконец, впервые в жизни, смог разглядеть девушку – свою первую и единственную любовь. Чёрные, как смоль, волосы текли вместе с водой по её плечам и груди, делая Марину похожей на русалку. Грудь её, несмотря на прошедшие годы, не потеряла своей юности, была всё так же упруга и чувствительна. Узкая талия, крутые бёдра, ровные ноги. Фигура девушки была просто великолепна, как античная статуя какой-нибудь греческой богини! Марина была невысокого роста, на вид ей было не более двадцать пять – двадцать семь лет, хотя Влад и понимал, что они когда-то учились в одном классе, но правда есть правда. Влад воздержался от комплиментов. Он понимал, что Марина прекрасно знает и понимает, что природа одарила её изяществом и красотой. Она просто стояла под душем. Нет, она не делала поз, не хотела показаться чем – то иным перед Владом, нет! Она просто стояла и позволяла любоваться собой, такой далёкой, из детства! И он это понимал, и взгляд его не оценивал её, не унижал – взор его любил эту неземную красоту! Перед ним стояла земная женщина с неземной красотой! Он любил в этой красивой женщине ту девочку из своего детства! Он смотрел на неё всю! Марина чувствовала его ласкающий взгляд, чувствовала всеми частичками своего тела. Она столько ждала, звала, страдала, почти забыла, но ОН был вот здесь, с ней, и она разгорелась снова, огонь любви раздут, она проваливается в вечность...

Влад смотрел в её раскосые, красивые, манящие и такие озорные глаза и ощущал, как силы любви снова наполняют его тело мощью. Марина стояла под струями воды, чуть расставив свои крепкие ноги, направляя эти струи по всем частям своего манящего тела, делая его блестящим и гладким, весёлым и желанным. Скоро Влад понял, что если он ещё немного задержится, то не устоит. Рассудив, что Марина никуда не денется, он вышел из ванной, отложив все свою заново возникающие желания на ночь. И на день, как он уже понял – у Марины завтра был выходной. А Марина всё равно прижималась к Владу всем своим податливым телом.

– Ты второй мужчина в моей жизни! – прошептала она, – Влад, и где ты был так долго?!

– Как долго?

– Лет восемь! – рассмеялась Марина.

– О! Ты так восемь лет одна, без ласки?..

Больше говорить было незачем. Марина выгнала отца Лены слишком давно, чтобы ждать, пока Влад допьёт остывший, на кухне, кофе, ещё даже не сделавший глоток. Теперь уже сама Марина тащила Влада в спальню, где их уже дожидалась тоже уже давно заждавшаяся двухспальная кровать, до которой они, в прошлый раз, еле успели дойти! У Марины не было таких возможностей, поэтому дойти до кровати, в этот раз, получилось. Зато теперь Марина бросила Влада спиной на кровать, как он сам ещё недавно поступил с ней и начала то, чего была лишена столько лет, да и просто не делала, похоже, никогда в своей жизни. Посёлок был маленький и «гулять» в нём не только было нельзя – невозможно! Все было на виду. Любая встреча с любым представителем противоположного пола могла вылиться в слухи, сплетни, скандалы и развод. Все чувствовали на себе внимательные взгляды соседей. Поэтому, когда появилась в её жизни первая возможность оторваться, тем более с тем, кого она, как оказалось, любила больше жизни, как и догадался или знал шаман, Марина вдруг стала такой развратной, что, наверное, даже сама себе удивлялась. Иногда ей было больно, она сама этого желала, иногда даже чересчур, иногда она что-то, явно вспоминая порнографические фильмы, которые, возможно, смотрела одна, запираясь в своей одинокой комнате – неизвестно. Но скоро Влад был выжат больше, чем лимон и просто лежал, позволяя Марине совершать с собой всё, чего бы она не захотела, доводя саму себя до иступления. Только после того, как сама Марина, подрагивая от непрерывного иступления всем своим телом, содрогаясь и стеноя, рухнула рядом с ним, без сил, Влад почувствовал приличную усталость. То же самое испытывала и Марина, которая заснула сразу же, как только опустилась рядом с ним, после такого куража. Влад лежал и просто наслаждался жизнью. Рядом в беспамятстве валялось счастье и он никуда не хотел его отпускать. Он так и пролежал всю ночь. Сон не шёл. Он обнимал не недвижимую девушку, продолжавшую мирно сопеть рядом, подтянув колени к груди, на боку, и вспомнил, как он её тогда целовал, в юности, в тёплом коридоре какого то барака, где они прятались не от людей, а от тридцатиградусного мороза с ветром, как он впервые потрогал её девичью грудь, как не смог прорваться сквозь толстые свитера и рубашки, защищавшие её от мороза, но не от него. Только от мороза! Так ему сейчас хотелось, чтобы это так и было тогда – в детстве! Тогда он не понял, что девушка была разочарована, тогда она сидела не двигаясь, пока он, такой же неопытный, шурудил под каким-то свитером, натыкался на очередной свитер, мешающий протиснуть руку дальше, к желанной девичьей груди, она даже шевелила плечами, явно направляя его руку к своей груди, но... не получилось тогда. Не получилось и в следующий раз и в другой, и в третий. А лето на Чукотке холодное и короткое, дел было невпроворот – и на материк, под южное солнце, съездить, овощи-фрукты поесть прямо с дерева, море увидеть, где льдов и айсбергов нет и поплавать в нём, по тундре, в оставшиеся тёплые деньки, побегать, бутылки и банки стеклянные, на свалке, из рогатки пострелять, на рыбалку на морских ершей сходить, да с друзьями отца на охоту – времени летом на Маринку не хватало явно. А зимой груди её снова прятались под шубу и свитера и для тренировок оставались только губы. Чем тогда они и занимались, прячась в коридорчике общежития от мороза, где жили семьями обитатели посёлка или в чьём-то балке – домике на курьих ножках, деревянных слегах, стоящих на вечной мерзлоте, чтобы тепло не уходило в вечно промёрзшую землю.

Через какое-то время Влад ощутил шевельнувшееся в нём чувство к Марине, несмотря на её «издевательства» и «измывательства» над собой в течение трёх часов. Влад не стал будить девушку и, нащупав вход в неё, ловко водворил своё чувство внутрь тела, которое лежала как раз в подходящей позе, на боку. Поджав свои милые колени. Марина глухо охнула и стала вся трястись, даже не успев проснуться. Марина как будто ждала его – судороги её были мощными. Видно было, что чувства Влада попали на готовые, ещё не успевшие переиграть дрожжи, которые совсем скоро взорвались. Даже во сне Марина, глухо зарычала, выгнулась, ещё плотнее

прижимаясь к Владу, потом ещё и ещё! А после Влад даже пожалел, что тронул Марину – снова началась та же трёхчасовая процедура, только теперь в темноте, на ощупь. Видно всё-таки Марина знала, что делала. Сам Влад так и лежал на спине, раскинув руки и ноги, только раз от раза вздрагивал и постанывал, чем приводил Марину в ещё большее возбуждение, ласки начинались ещё активнее. И снова, как и в прошлый раз, Марина заснула в той же позе, уткнувшись в живот Влада. Но теперь в следующий раз, когда примерно часа через два плоть снова дала о себе знать, Влад не позволил себе вольности. Он, наконец, заснул.

Свой кофе Влад умудрился выпить только к обеду.

– Хоть расскажи, как жила-то всё это время?

Влад уже насытился яствами со свадебного стола, в очередной раз извлечёнными Мариной из холодильника.

– Да как... Не регулярно! – не смутилась Марина, откровенно расхаживая перед Владом в коротеньком домашнем халатике, который мало что прикрывал, при этом забыв надеть, почему-то, трусики.

– Ты же знаешь наши посёлки, Влад? Дочку вырастила, Лену. Муж русский, но живёт здесь уже давно. Так же как ты и Андрей, приехал с родителями, по договору, на заработки, да так и остался потом. В отличии от тебя, кстати! Что потом было, ты, наверное уже знаешь, Андрей рассказал?

– А мама где?

Мама Марины была председателем и работала в сельсовете в то время, когда они учились. Поселковая интеллигенция из чукчей!

– Мама недалеко живёт, на пенсии уже. Правнуков ждёт! – рассмеялась Марина. – Ленке семнадцать лет всего, не знаю точно, но говорит – вроде уже того... – Марина посмотрела на Влада, – Влад, а если и я вдруг того, ты что делать станешь?

– Ой, Марина, – отмахнулся Влад, – Тычто, уже пятнадцать минут, как беременная?

Марина даже рассмеялась, вспомнив старый анекдот.

– Ты давай, того, одевайся, – вдруг насторожился Влад, заметив что Марина стоит от него довольно близко. – Андрей обещался приехать.

– Андрей приедет вечером! – отрезала девушка, – А ты можешь уехать ещё на двадцать лет. А у нас в посёлке секс-шопа даже нет, так что извини дорогой, терпи...

С этими словами Марина взяла Влада за руку и потащила в спальню, где снова разложила, как цыплёнка-табака, на своей огромной, для неё одной, кровати. Через мгновение Марина уже приступила к исполнению программы, уже знакомой Владу оргии. В зашторенные наглухо окна свет не проникал, поэтому Влад молча закрыл глаза и расслабился. В принципе, быть иногда в роли секс-игрушки, помогая обездоленным жителям мелких народностей Крайнего Севера пережить отсутствие в их местах проживания обычных секс-шопов, доставляет очень приятные ощущения и воспоминания. Влад уже давно прекратил произносить какие-либо постельные фразы, а только прислушивался к усиливающимся стонам расходившейся от прилива чувств девушки, дорвавшейся до отнятого у неё прошлого. Влад ощутил у себя где-то внизу живота очередную поднимающуюся волну благодарности за хорошее к нему, к Владу, отношение, которая вот-вот должна была вырваться потоком на волю или куда-то ещё. Местом, куда изольётся эта обильная благодарность, распорядилась сейчас Марина, восседающая на Владе...

Андрей приехал вовремя, как и обещал. Долго сидели вместе, вспоминали школу, рассказывали, по очереди, каждый о своей жизни. Как всё-таки приятно бывает встретить школьных друзей через столько лет и столько километров! – думал Влад, вспоминая своё изобретение, позволяющее, в принципе, осуществлять то же самое. Марина отпросилась с работы, её отпустили без вопросов, зная о Владе и не делая, на удивление никаких комментариев. А через день пришли и Лена с мужем, в которых Влад, естественно, узнал ту пару в чукотских наци-

ональных нарядах, сидевших на белых камнях, в день уничтожения устройства и знакомства с шаманом. Лена была точной копией мамы, только с более молодым лицом, если присмотреться. Их можно было бы принять за родных сестёр, с отличием в возрасте лет на пять-шесть. А билет Влад всё-таки купил. Ехать, действительно, было нужно – слишком большую цену заплатил Влад за своё изобретение, слишком много сил, средств и времени, чтобы всё бросить! Это уже было невозможно! Да и то, что ему придётся вернуться сюда рано или поздно, хочет он этого или не хочет, даже независимо есть ли здесь Марина или нет, Влад уже не сомневался

– Что тебе привезти? – просто спросил он, прощаясь в аэропорту, у самолёта.

– Купи знаешь что? Как у тебя, чтобы вспоминать, если долго не приедешь! – рассмеялась Марина, – Будет у меня третьим! Она смеялась и у Влада на душе стало тепло. Найти за десять тысяч километров от Москвы человека, который тебя помнил и, возможно, любил столько лет, ... Это дорогого стоит!

Улетал Влад с лёгким сердцем. Он даже перевыполнил первоначальный план эксперимента. Устройство работало, план его усовершенствования был готов, поездка назад на Чукотку была не за горами, а здесь его всегда ждали! Ждали юность и зрелость, прошлое и настоящее в одном лице – Маринка! Влад закрыл глаза, вслушиваясь в монотонный гул двигателей самолёта – предстоял перелёт на расстояние более десять тысяч километров, это с промежуточными посадками составляло около семнадцати часов. Влад вспоминал свою школу и ту, школьную Чукотку.

Глава 2. Чукотка

Влад уже не помнил точно, откуда и как он узнал о предстоящей поездке на несколько лет на далёкую Чукотку – от отца или от матери, но отлично помнил о начавшейся обстоятельной и основательной подготовке к этой поездке в загадочную страну. У родителей, на Чукотке, а именно на мысе Шмидта, уже несколько лет работали родственники по отцовской линии, жившие все вместе раньше, много лет назад, когда отец Влада ещё не был ему отцом, в Ставропольском крае. Расписав все прелести и красоты жизни на Крайнем Севере и, самое главное, разъяснив возможность заработать огромные, по тем временам, деньги, родственники, вдобавок, предложили и свою реальную помощь при переезде. Конечно, все прекрасно понимают, что ехать просто куда-то, в неизвестность – это одно, а ехать туда, где тебя ждут и поддержат, в случае чего непредвиденного, тем более твои родственники – это совсем другое. Вот это другое и решило дело в пользу переезда, когда вплотную встал вопрос – ехать или не ехать на Чукотку. На семейном совете, на котором Владу слова, естественно, не дали, было принято решение – ехать! Сказано – сделано, далее всё потекло автоматически. В то время, в старом Союзе ССР, была налажена система найма рабочих по контракту на временную и постоянную работу в отдалённые районы огромной страны, в основном на Крайний Север. Контракты заключались сроком на три года, подписавшим его выплачивались сразу же так называемые «подъёмные», плюс оплачивались расходы по переезду к месту работы и проживания, багаж и билеты в один, естественно, конец – туда, на Север! Предлагались различные должности и вакансии, спрос был на вакансии для любых специалистов – водителей, инженеров, учителей, диспетчеров аэропорта, лётчиков, строителей и так далее. Север в те времена развивался стремительно и масштабно. Такие контракты очень приветствовались, одобрялись и, соответственно, достойно оплачивались. Контрактникам, на месте, сразу же, предоставляли жильё в благоустроенных общежитиях, квартиры или комнаты для семейных, в зависимости от их, всё же, статуса и занимаемой должности. Деньги выплачивали всегда своевременно. Снабжение на Крайнем Севере было на высшем уровне и кардинально отличалось от, так называемого, материка, с его вечным дефицитом. Отпуска были в два раза продолжительнее согласно трудовому законодательству, плюс были многочисленные льготы, плюс северная надбавка, по 10% к заработной плате за каждые отработанные полгода, плюс, и плюс, и плюс! В те годы с Крайнего Севера, отработав полностью свой контракт, люди старались уже не уезжать, чтобы не терять свои «северные» коэффициенты, увеличивающие втрое и так солидную заработную плату, не терять полученную квартиру, не менять, ставший уже привычным распорядок жизни, узнав о возможностях прекрасно налаженной системы полного обеспечения населения всем необходимым, когда в магазине есть всё, что только желает твоя душа и чего никогда не увидишь в магазинах на материке. И, кстати, не последнее место, даже для людей солидного возраста, занимала исключительная романтика Чукотки, которая пленила, завораживала, звала посетить её вновь и вновь. Жители Крайнего Севера, попадая отдыхать на «Юга», поражали местное население не только своими невероятными, по сравнению с другими отдыхающими – с материка, деньгами и длинными отпусками, но и совершенно особым взглядом на жизнь, уклад жизни других, погоду, взаимоотношениями между людьми. Они старались ни с кем не спорить и не создавали конфликтов, не ругались ни между собой, ни, тем более, с соседями, ни с продавцами в магазинах. Они просто жили и желали использовать свои коротенькие отпуска, по сравнению с долгой зимой Крайнего Севера, для полного насыщения этого подаренного им жизнью мгновения.

– Что, Владик, едем? – задавала мама ему, в очередной раз, один и тот же вопрос. Не совсем верящий в реальность происходящего, сын невразумительно что-то мычал и кивал головой. Немного позже это предложение ехать стало похоже быть на правду, когда отец где-

то на окраине города нашёл оптовую базу каких-то бывших в употреблении вещей, предназначенных для снабжения то ли полярников, то ли бомжей, забрасываемых на Север, для увеличения там населения. На базе были груды тулупов, валенок, унтов, различных утеплённых курток, обогреваемых от аккумуляторных батарей автомобиля, тёплых шапок из какого-то животного неизвестного вида и много ещё чего. Не выбрали тогда из груд этих товаров ничего. Но только факт существования именно такого, специфического ассортимента, автоматически придавал решимости и веры в сам факт переезда на Крайний Север – на ЧУКОТКУ!

Потом было достаточно долгое оформление документов и пропусков в пограничную зону, которой являлась Чукотка со своим побережьем, выходящим на Северный Ледовитый океан, другим концом упирающийся в Аляску, в Америку. Отъезд подгадали к окончанию учебного года, чтобы успеть отдохнуть на берегу другого моря – Чёрного, перед долгим и неизвестным переездом на Чукотку и обустроиться, немного обжиться в посёлке мыс Шмидта, где тоже должна была быть своя школа, в которой должны были быть и учителя, а следовательно, работа для мамы. За работу для отца не беспокоились – он имел несколько, везде и всегда востребованных, специальностей. Отец был выходцем из крестьян, работать умел и любил – и сам работал, как говорят, за троих, и людьми мог руководить. Влад, до сегодняшнего дня был уверен, что именно благодаря примеру своего отца, а не благодаря каким-то своим, особенным данным, он был способен и гвоздь забить быстро и ровно, и табурет смастерить, и теорему Больцано – Вейерштрассе доказать, причём делая это одновременно с занятиями по стрельбе, лёгкой атлетике и боксом. Отец особенно никогда ничему Влада и не учил – просто он мастерил, а Влад смотрел и запоминал, что и как. Влад даже и не помогал никогда своему отцу, а просто однажды взял и отремонтировал розетку. Потом кусок кожи к косяку прибил, чтобы дверь плотно закрывалась. Просто так, без чьих-то просьб и ни с кем не советуясь, как починить то или это. Даже не попросив после сделанного оценить качество его работы. В общем, как люди говорят, руки росли из того места. Так что с работой у родителей, на новом месте, проблем не должно было быть. Небольшую нервотрёпку создала классная руководительница Влада, которая пыталась заставить его отрабатывать обязательную школьную практику и не отдавала документы об окончании им шестого класса. Её не пугали ни звонки мамы Влада, ни наличие авиабилетов, с указанием даты вылета к новому месту жительства всей их семьи. Причём дата вылета совпадала с датой начала этой самой практики. Только после вмешательства Района, «мучительница» всё же отдала документы. Притом, что документы эти школа всё равно выслала бы, так как ученик покидал данное учебное заведение навсегда и переезжал за десять тысяч километров. После этого начался смелый перелёт всей их семьи к новому месту жительства, на тот момент никто из них не знал временно это или постоянно. Они просто летели в неизвестность – на Чукотку! На такой решительный поступок способны, к сожалению, не многие люди. И это – не хвастовство.

– Уши заложило!

Стандартная жалоба летающих в те времена на самолёте ИЛ-18, монстра советской авиации, летающего тогда везде, а уж на далёких северных трассах – в первую очередь. Самолёт был винтовой, четырёхмоторный, гудел и дрожал всем своим мощным корпусом. Но летал надёжно и без крупных поломок, только летать в нём было тесно и тоскливо. Стюардессы раздавали всем пассажирам обязательные леденцы перед взлётом и перед посадкой воздушного судна и стандартные пакеты, для особого применения. Пакеты брали практически все, они часто оказывались кстати.

– Девушка, а можно ещё пакетик? Мама была решительная, деловая и как все мамы запасливая и бережливая – дают, значит нужно брать. Конфет на любом борту была уйма – раздавали их горстями, в добавках не было ограничений. Кому помогали конфетки, а кому и нет! Владу помогало, пакетиком он так никогда и не воспользовался ни в первом своём полете, ни

на всех, многочисленных и уже совершённых им самостоятельно, в совершенных летах. Первый полёт, на ИЛ-18, стал лакмусовой бумажкой.

– Ты хорошо себя чувствуешь? Постоянно беспокоилась мама. Её почему – то не интересовал вид перистых облаков с высоты десять тысяч метров от земли. Винтокрылый богатырь легко пробивался сквозь плотную стену воздуха, неся на себе большое количество людей и их скарба. Влад уже знал, что летать может даже кусок металла тяжелее воздушного шара того же объема, знал это уже точно, с точки зрения действующей науки. Но всё равно, каждый раз это ему внушало чувство трепета и восхищения изобретательностью этого ленивого человечества, не хотевшего больше пользоваться только услугами ранее им, этим человечеством, изобретённого колеса!

– Товарищи пассажиры! Наш самолёт начал снижаться, через двадцать – двадцать пять минут мы совершим посадку в аэропорту посёлка Тикси. Пожалуйста, приведите спинки ваших кресел в вертикальное положение, пристегните привязные ремни и приготовьтесь к посадке.

Стюардесса объявила посадку и сразу же пассажирам заложило уши – самолёты этого класса снижение начинали резко! Тикси потряс Влада несметным количеством мошкары. Это был посёлок среди болот и топей, где жили, кормя комаров, какие-то геологи, вечно что-то ищущие там, где до них уже всё переискали двадцать шесть или двадцать семь таких же геолого—разведывательных экспедиций. Тикси всегда был перевалочной базой – промежуточным, запасным аэродромом, откуда можно было, после технического обслуживания и дозаправки воздушных лайнеров, преодолевать ещё две, три, четыре тысячи километров, чтобы долететь, в конце концов, до пункта назначения. Мошкара лезла в глаза, нос, рот, уши. Ей дышали, её глотали, давили, сплёвывали, но она нисколько не уменьшалась в количестве. Приходилось терпеть, бежать в здание аэровокзала, куда не проникали солнечные лучи и мошкара не хотела там обитать. Оттуда, из аэровокзала, можно было спокойно наблюдать за заправкой и техническим обслуживанием их самолёта. Когда объявили посадку, два – три десятка недоеденных мошкарой пассажиров метнулись к самолёту, пытаясь побыстрее забраться на борт, скрыться от голодной мошкары. Влад добрался быстро. Он очень хорошо бегал. А, главное, он не желал быть съеденным этой летающей массой плотоядных монстров! Он хотел жить!..

– Молодой человек? – стюардесса явно уже не в первый раз обращалась к Владу, сидевшему с отрешённым взглядом в кресле, рядом с проходом и не обращавшего на неё абсолютно никакого внимания. – С Вами всё в порядке? – профессионально и очень вежливо спросила она Влада, заметив, что тот всё же реагирует на человеческую речь.

Стюардесса, скорее всего, впервые столкнулась с таким равнодушным отношением представителя мужской половины человечества, к её красивой фигуре. Посмотреть и правда, было на что. Белокурое создание с нежно-голубыми глазами в форменных блузке и юбочке, еле прикрывавшими стройные ноги, как и тот крылатый богатырь, которому она служила, летая по салону авиалайнера, невольно притягивали к себе мужские взгляды, к огромному возмущению спутниц этих самых представителей сильной половины человечества. Поэтому, встретив такое равнодушие к своей персоне, девушка уже несколько минут стояла к нему вплотную и пыталась привести его, как ей казалось, в чувство – вернуть к жизни! Мозг Влада, перебивавший в этот момент все глубины своих извилин, где в тени наносной сторонней информации таились обрывки воспоминаний о событиях многолетней давности, не сразу выдал команду Владу о том, что к нему прикасается посторонний объект, тем более противоположного пола. Влад опомнился и его взгляд сконцентрировался на небольшой, но крепкой женской груди, которая всеми силами пыталась выбиться из тесной белоснежной сорочки со значком Аэрофлота на ней.

– Молодой человек, ну Вы меня и напугали! Вам чего – nibудь принести? Чай, кофе, лимонад, минералочки?

Влад в каком-то непонятном порыве наклонился вперёд и уткнулся своим лицом как раз в ложбинку между упругих и молодых грудей девушки – бортпроводницы. От неожиданности та опешила и какое-то мгновение не могла даже двинуться, не могла понять что произошло и кто посмел прикоснуться к тайнам её нежного девичьего тела. Она даже представить не могла, что кто-то посмеет на борту самолёта, при всём честном народе, хоть и спящим, так нахально совершить такой поступок. Ещё через мгновение она отпрыгнула от нахала, как ошпаренная кипятком и оказалась на коленях, сидевшего параллельно, напротив Влада, мужчины. Юбочка стюардессы задралась довольно высоко и Влад успел разглядеть узенький треугольник её белых и симпатичных трусиков, пока стюардесса стремительно пыталась слезть с опешившего мужичка, беспомощно болтая ногами и начиная густо краснеть. Кстати заметить, что данный мужичок тоже не спал и с самого начала наблюдал всю эту сцену, внимательно изучая все прелести этого молодого женского тела, так как стюардесса, пока приводила Влада в чувство, была обращена своей «филейной» частью как раз к этому самому мужичку, в наклонённом состоянии – мужичку просто некуда было деваться, да он и не хотел. Мужичок просто развёл руки в сторону, не касаясь девушки, наблюдая, как она пытается быстро слезть с него. Наконец, ей это удалось и она, уже в проходе, вызывающе отряхнулась, одним быстрым движением поправив всю свою форменную амуницию. Сделав на своём лице всю какую только можно обаятельность и показав жестаи, что красота бортпроводницы ошеломляющая, Влад заказал себе коньяка – «соточку». Бортпроводница странно, изучающее на него посмотрела и улетела. Она не знала, да и не могла знать, что как раз в этот момент Влад усиленно пытался вспомнить тот момент в своей жизни, когда он первый раз встретился с Мариной. Коньяк был вскорости доставлен и стюардесса, выполнив заказ, не задерживаясь, проследовала по салону. А Влад снова принялся ворошить и перебирать свою память, причиняя столько неудобства своему и без того уже нагруженному мозгу. Его беспокойный и непокорный разум пробивался сквозь оковы и замки времени вперёд...

Школа была маленькая, она находилась под одной крышей вместе с жилыми помещениями интерната, где и обитали дети, привезённые их родителями из тундры. Обучение было обязательным для всех, нравилось это или нравилось коренным народам Крайнего Севера. Поэтому в конце августа по стойбищам оленеводов летал вертолёт и зависал над ними, над этими самыми стойбищами, на высоте триста – четыреста метров. Кучки детей разбегались в разные стороны, прячась по сопкам и за яранги соседей. Зафиксировав их места схрана, летчик быстро сажал машину и оперативная бригада скоро обнаруживала беглецов, не желающих учиться, а желающих жить той же самой жизнью, как и их предки, пасти оленей и просто жить, не заморачиваясь ни на какие прелести надвигающейся на них цивилизации. Народы Севера из всех благ цивилизации хуже всего воспринимали обучение. Наловив полный вертолёт чукотских и эскимосских детей, учителя везли их за двести – триста километров от их яранг в посёлки, подобные посёлку в районе мыса Шмидта, в школы – интернаты, где эти дети находились на полном государственном обеспечении круглый год. Их даже пытались и летом распределить по пионерским лагерям, но тут уж кто поумнее, не решались этого делать. Другой смены у оленеводов, кроме собственных детей, не было, а сокращать поголовье оленьего стада в планы чиновников не входило. Вот и жили почти год в школе чукотские и эскимосские дети, учась. В одном классе с разноязычными своими сверстниками, собравшихся под одной крышей в этом суровом уголке той огромной, великой и необъятной Родины с названием – Союз Советских Социалистических Республик.

– Влад, знакомься – ты теперь со всеми этими ребятами и девчатами вместе учиться будешь!

Мама привела Влада в класс, где она стала классным руководителем, работая учителем в этой самой восьмилетней школе – интернате, в посёлке Рыркайпий, Шмидтовского района национального Чукотского округа, в Магаданской области. Влад был высоким юношей, поэтому сел за последнюю парту, рядом с Андреем. А впереди сидели девчонки – Марина Кайгалягвэ и Зоя Рультыневекетгеут. В классе было всего двенадцать человек. Школа, действительно, не могла быть большой. Миша Тыневокатгыргин, Вова Таян, Саша Эттынекей, Юра Шилов, Паша Попов и Таня Серова. Они и ещё несколько человек – один седьмой класс в школе. Почему семья Влада стала жить в Рыркайпие, а не на Шмидте, Влад так и не понял. Возможно, просто на тот момент на Шмидте не было свободного жилья или для мамы работа была только в Рыркайпие, а чего-то ждать или гадать родителям было недосуг. Вот так и случилось, что жить они стали в двухкомнатной квартире, в семейном общежитии, в посёлке Рыркайпий, откуда отец ездил за пять километров на служебной машине на мыс Шмидта, работая там каким – то начальником, отвечающим за разгрузку судов – за Северный завоз. Работы у отца сразу стало много – он целыми неделями пропадал в море и на складах. Мама с сентября начала преподавать в школе математику. Вот тогда и познакомился Влад с Мариной. Андрей уже год, как жил в посёлке, был обо всём осведомлен и всё знал. Он и показывал Владу все достопримечательности этого обычного чукотского посёлка и прилегающей к этому посёлку местности, настолько для местных жителей привычного, что они, эти местные жители, сами удивлялись изумлению приезжающих, видящих такую красоту и такой бардак в этом суровом краю. На краю Земли!

От аэропорта до посёлка мыса Шмидта, а потом до посёлка Рыркайпий, вдоль дороги, слева и справа тянулись горы различного мусора высотой четыре – пять метров, отодвинутые бульдозерами. Всевозможные бочки, бытовые отходы, пустые контейнеры, бутылки, банки и прочие, и прочие отходы цивилизованной жизнедеятельности человека. Этот мусор просто некуда было деть – с одной стороны тундра, с другой море. Оврагов в тундре нет, есть только вечная мерзлота, которую рыть невозможно, только взрывать. Выбрасывать мусор в океан было бы полным безумием! Вывозить на материк не имело смысла – мусороперерабатывающих заводов не было даже и в больших городах на материке, тем более их не было здесь. За время освоения Крайнего Севера, на Чукотку, были доставлены сотни тысяч тонн различного топлива, продовольствия, техники и всего прочего. И вот это всё доставленное, отработанное и переработанное, пришедшее в негодность по разным причинам, в том числе и климатическим, так и стояло вдоль дорог, памятниками жителям – бытъя северян. Просто девать это было некуда.

В августе и сентябре на Чукотке ещё стоял полярный день и Влад с Андреем бродили по горам промышленных отходов, металлолома, по всяким свалкам, просто надеясь чего –нибудь найти стоящего. Когда – то сюда приезжали японцы. Сделали коммерческое предложение – привезти сюда мощные прессы, спрессовать и вывести весь металл и мусор. Короче мы за вас здесь всё уберём, а взамен возьмём этот же мусор! Но японцам отказали. Во-первых, капиталисты – эксплуататоры, а во-вторых, не дадим, пусть лучше сгниёт, но у нас! Раз наше – пусть и ржавеет у нас! У нас вообще металла хоть ешь! Вот и бродили поселковые дети по этим свалкам, расстреливая из рогаток стеклянные бутылки и банки.

Когда становилось холоднее, походы прекращались. Начинались осенние штормы, достигающие девяти баллов. Огромные волны накатывались на берег, разрушая понемногу прибрежные скалы. Однажды океан выкинул на берег целого кита, уже не живого, но огромного, как двухэтажный дом. Кит очень долго пролежал на берегу, пока его исклывывали всевозможные птицы, но в конце концов догнал сам. А когда уже наступила полярная ночь, пришло время и Марины. Влад позже узнал, что девчонки развиваются быстрее мальчиков, это было интересно. Влад приходил вместе с Андреем – Марина и Таня жили в общежитии, где были тёмные коридорчики и проходы. В скором времени, после знакомства, Марина уже вос-

седала на коленях у Влада, чего-то явно ожидая. Через месяца три после их знакомства, они в первый раз поцеловались. Опыта в этом деле у них, естественно, никакого не было, но они с огромным удовольствием обучались этому искусству, ощущая, как новое необычное чувство загоралось внутри, толкая совершить шаг к чему-то совершенно неизведанному и потому так манящему их друг к другу. Но сделать этот шаг мешало и запрещало другое, очень строгое чувство – стыдливость. Да и холоднее становилось день ото дня. Владу так и не удалось добраться до груди Марины, даже выяснить – есть там она или нет, столько было надето на них одежды. Вообще-то он прекрасно знал, что они есть, на уроках он долго рассматривал её, представляя в совершенно другом виде то, что скрывала школьная форма. От этих представлений пуговицы на его брюках готовы были выскочить из зацепления. А на выпускном – после восьмого класса, начался такой кавардак, что было не до грудей. И не до Марины.

Чукотка, вообще-то, резко меняет и климат, и людей, постоянно всё двигается, перемещается, приезжает и уезжает. После восьмого класса надо было или переходить в девятый, в школу на мысе Шмидта, где была десятилетка, или уезжать жить и учиться на материк, на историческую родину, или ещё куда-нибудь...

– Вы всегда в самолёте коньяк в гордом одиночестве пьёте? – уже как-то по-свойски доставала стюардесса.

– Нет, не всегда. Только когда нет рядом хорошеньких девушек. Вы же не девушка?!

Бортпроводница от неожиданного прямого вопроса открыла рот и начала снова медленно краснеть.

– Нет-нет, Вы меня неправильно поняли! Я имел в виду, что Вы, сейчас, в данный момент, находитесь при исполнении ваших служебных обязанностей и поэтому не можете, в силу этих самых обязанностей, разделить моё одиночество, как Вы успели, только что заметить.

Девушка, явно не привыкшая к такому обращению, ещё не решив, обидеться ей или рассмеяться, убежала. Совсем скоро Влад услышал её голос, вещавший пассажирам о том, что им надлежит делать и что через несколько минут они произведут посадку в аэропорту «Хатанга». Уважаемый Влад допил коньяк и посмотрел в иллюминатор – чахлые деревья и лесотундра, пейзаж несколько изменился. Самолёт летел на Запад, удаляясь от Чукотки.

В аэропорту «Хатанга» за эти годы также не произошло ничего. Влад даже прошёл в ту сторону, где раньше находился буфет. Буфет никуда не делся – он был здесь же и также, без изменений. Увидев на прилавке огромную рыбину Влад аж задохнулся – это была та самая рыбина, о которой он неизменно рассказывал, когда разговор заходил о его первой поездке с родителями на Чукотку, о его первых впечатлениях. То ли это была та самая рыба, которую не съели за все эти годы, то ли – другая, но факт остался фактом: две эти рыбы были точь – в – точь одинаковые. Весь ассортимент был сохранён с неизменностью – всё, абсолютно, рыбное и чай. Влад не удержался и проследовал к прилавку.

– Будьте любезны, кусочек вот этой килечки и два горячих чая, – попросил он породистую буфетчицу.

– Это не килька! – неожиданно оказала та сопротивление.

– Ладно, ладно, пусть не килька. Только место, откуда кусочек брать будете, выберите пожалуйста повкуснее.

– Какой достанется, – пробурчала буфетчица и наугад отхватила от спины «рыбки» кусочек где-то на килограмм, бросив на весы.

Камчатский лосось был изумителен, вкус был из детства. Влад вспомнил ту «килечку», по куску которой они съели с отцом тогда, когда летели на материк, насовсем. После чая захотелось снова чая, но объявили посадку. Самолёт успели обслужить, дозаправить и подкинуть ещё пассажиров. Стюардесса с опаской прошла по салону лайнера, косясь на Влада, но он ей

ничего не сказал и даже не обратил никакого внимания. Самолёт взлетел и взял курс на Тикси. Влад возвращался с Чукотки в очередной раз...

– Объявляется штормовое предупреждение!

Из стационарного ретранслятора передавались необычайные сообщения часто – работал поселковый радиоузел. Сегодня обещали шторм и ветер тридцать два – тридцать три метра в секунду. Это было много и редко, но случалось. Поэтому и тревоги особой не вызывало. И когда тревога началась, ночью это было, как часто и случается, то началась неожиданно. С моря на посёлок надвигались айсберги! Перед посёлком была небольшая и достаточно мелкая бухта, за которой простирался уже сам огромный океан. А ветер дул как раз со стороны океана. И он, ветер, нагнал в эту бухту огромные айсберги, высотой метров по двадцать только над водой. Задевая дно, они переворачивались, налезали друг на друга, подталкиваемые другими исполинами, которые следовали за ними из океана. И ветер всю эту массу гнал и гнал в сторону берега. В три часа ночи первые глыбы уже выползли на пологий берег и поползли в сторону посёлка, сминая всё на своём пути. Первые дома стояли метрах в тридцати от воды, они и приняли на себя первый удар. В октябре ночью уже была ночь. Этот осенний месяц есть переход от коротенького лета к долгой зиме, от полярного дня к полярной ночи. Вот как раз и была уже почти полярная ночь. Первым под удар стихии попал дом ещё одного одноклассника Влада – Юры Лякишева. Услышав треск сминаемого дома, люди выпрыгивали в окна, спасаясь от медленно наступающего ледяного полчища. К утру уже все были на берегу и остолбенели. Посёлок лишился всей прибрежной полосы домов. Огромные глыбы льда, как минимум в два раза больше самих домов, были выдавлены из морской стихии разбушевавшимся океаном и оказались на берегу, на расстоянии в семьдесят – сто метров от воды, обречённые теперь на медленную смерть. Океана, штормившего ещё вот несколько часов назад, тоже не было – до горизонта виднелся лёд, айсберги и торосы. Так не бывало даже зимой, когда океан замерзал. Спаслись все, никто физически не пострадал, всё-таки скорость надвигавшегося льда была незначительной. Но вот жить было уже негде и спасти своё имущество людям не удалось. Лёд асфальтовым катком раздавил буквально всё! Пострадавших расселяли целый день, детей отвезли в ту же самую школу – интернат. Такие суровые моменты в посёлке случались и раньше: шторма, пожары, наводнения, снежные бураны – люди готовы были ко всему. Условия выживания обязывали.

– Марина, скажи что-нибудь по-чукотски?

Мама у Марины была самая настоящая чукчанка. Она родилась здесь, правда, в крови у неё были ещё кто-то и что-то, что отличало её от сородичей. У чукчей это было в порядке вещей, об этом ещё и знаменитый Юрий Рытхэу писал. То американские, то русские купцы захаживали в прибрежные чукотские посёлки, после чего в чукотских семьях рождались светлокожие дети, чуть более похожие на европейцев. Чукчи этим даже гордились и с удовольствием угощали приезжих своими жёнами. Угощение те принимали с удовольствием, в ответ одаривая благодарных мужей водкой и винтовками, ну и, естественно, светлым потомством. Когда Влад уезжал, он тоже предложил Марине, в шутку, рассчитаться с ней бутылкой водки, за что получил большую моральную оплеуху.

– Марина, как по-чукотски – «Здравствуй! Как дела?»

Влад хотел хоть что-то говорить на языке того народа, в месте проживания которого он сам жил. Хоть бы здороваться на чукотском! Марина, с удовольствием, отвечала. Они так же продолжали тренироваться в поцелуях, хотя это было уже не так интересно – просто тренировались, чтобы не потерять форму. Тундровые чукчи приезжали в посёлок довольно часто – за водкой. Деньги им платили очень большие, стада оленей, которых они пасли, достигали нескольких тысяч голов. При забое оленей на мясо суммы денег были значительны. Тундровые чукчи, со стойбищ, деньги считать не умели, да и не ценили их. Они меняли их на водку, всё остальное у них было – выдавали бесплатно, привозя и еду, и одежду, и топливо, и тех-

нику. А вот водку не привозили – действовал негласный приказ. Выход чукчи находили – надо же им было всё таки детей навещать?! Или по делам, запчасти для чего – nibудь получить, в посёлок съездить? Вот и ехал плавающий гусеничный вездеход за двести километров по тундре в ближайший посёлок, без связи и любой возможности прийти им, в случае чего, на помощь, для чукчей это вообще не расстояние, а так, «за углом». Прогулка только. А на вездеходе вообще проблем не было. Приехав в посёлок, вездеход сразу же направлялся к магазину. Влад сам был свидетелем, когда чукча в кухлянке и камлейке, верхней одежде, надетой будто плащ на меховую куртку – кухлянку, выложил на прилавок толстенную пачку денег с одним словом —заказом – водка! Какая, почём, сколько – его не интересовало. Продавщица была достаточно опытной, через пять минут грузчик с помощью ещё двух попутчиков – чукчей уже загружали в вездеход позвякивающие ящики. Забив кузов вездехода доверху, продавщица отсчитала нужную сумму, вернув остальное содержимое пачки покупателю. Ничего лишнего, из этой самой пачки, она не взяла. На Чукотке продавцы никогда не обманывали покупателей. В первый день гости из тундры не уезжали. Проведав всё-таки детей, это если приезжали родители, или получив-таки запчасти, если и это надо было, они выпивали тут же, возле вездехода, по две-три бутылки водки и сразу же вырубались. Спали прямо на снегу, в шкурах было тепло и сухо. Шерсть на шкурах у северного оленя трубчатая, она непригодна для изготовления шуб и шапок – ломается и сваливается. Но вот когда шкура используется целиком, по части тепла ей равной нет. Меховые изделия шьют из кусков оленьих шкур, снятых с ножек – там шерсть сплошная и гладкая, даже красивая. Проспавшись, путники выпивали ещё по бутылке и отправлялись со своим грузом в путь – стойбище уже с нетерпением ждало своих посланцев! С победой и трофеями! И тогда, возле вездехода, как сейчас показалось Владу, он и встретил шамана в первый раз. Уж очень искорёженным было лицо и слишком пронзительным взгляд.

– Етти тыетык! – поздоровался Влад.

– Тыетык етти! – отозвался шаман, взглядываясь в лицо Влада. Запомнил тогда его шаман или нет, неизвестно. Только уж слишком трезвым и внимательным показался тогда Владу взгляд в стельку пьяного человека! Кивнув, шаман отвернулся, а Влад потом ещё долго его вспоминал....

– Ой, а что это у Вас?

– «Блин, да ты никогда от меня не отстанешь», подумал Влад, но дипломатично пожал плечами.

– Фотографии!

– А можно посмотреть?

Грудь девушки была аккуратно упакована в форменную блузку, юбка одёрнута. «Угомнилась!» – подумал Влад с облегчением.

– Да, пожалуйста!

Влад протянул пачку чёрно – белых снимков, купленных прямо в аэропорту мыса Шмидта, в зале ожидания. Какой – то предприимчивый местный журналист организовал свою мини – выставку – продажу, нащёлкав обычные чукотские пейзажи, кажущиеся любому приезжему дикой экзотикой. Да и отъезжающие на материк местные жители с удовольствием раскупали фотографии размером десять на пятнадцать. И для подарков родным и знакомым, и просто так, чтобы после не искать. Многие из них, прожив здесь, на Чукотке, по многу лет, так и не нашли время сделать хоть по кадрику, да и просил продавец – фотограф всего ничего.

Стюардесса наклонилась над откидным столиком Влада и разложила сама фотографии. И снова, как и в прошлый раз, её грудь оказалась напротив лица Влада. И снова, как и в прошлый раз, два непослушных беленьких шарика выглянули из своей упаковки, зовуще подмигивая. «Не мытьём, так катаньем» – подумал Влад и одним ловким и опытным движением отправил их снова в упаковку. Девушка вздрогнула, но позы своей не изменила, продолжая

«рассматривать» фотографии. Влад ухмыльнулся, наклонив голову, извлёк назад эти два весёлых и озорных мячика, немного ими поиграл, нагло и внимательно рассматривая нежную грудь бортпроводницы. Случайно его взгляд упал на фотографии и... На него снова смотрело лицо шамана!

– Такое впечатление, что на всей Чукотке всего один шаман! – вырвалось сокровенное у Влада.

– Что? Не поняла? – приподняла грудь выше девушка.

– Да нет, смотрите, смотрите! – Владу уже начинала нравиться игра.

– Я уже посмотрела! А Вы?

Это уже было откровенное нападение.

– Левую плохо было видно, зажата лифчиком, ослабить бы не мешало! – отпарировал Влад. – Нечётко, наверное, слишком близко. Позже пересмотрю! – двусмысленность была очевидной.

Девушка пожала плечами. Загадочно улыбнулась.

– А почему Вы телефон не просите?

– А у меня есть, – похлопал Влад себя по боковому карману. – Здесь всё равно не работает. Ловит плохо.

Для самого себя неожиданно Влад пожалел совсем растерявшуюся девушку.

– Говори! Я пошутил! – он мгновенно достал свой мобильник и записал в память московский телефон стюардессы, – Как хоть тебя звать-то? Можно ведь уже и познакомиться, столько часов в полёте...

– Инна!

– Влад.

Девушка развернулась и молча ушла. Влад начал снова рассматривать фотографию шамана. Так и есть – на груди у того болтался тот самый оберег, который он подарил Владу и теперь висевший на груди у Влада – клык белого медведя на кожаном шнурке. Влад потрогал клык на своей груди – он к нему как то и привык уже, тот уже не колот и не царапал кожу, как вначале. Влад взял оберег в руку и стал, уже в какой раз, внимательно рассматривать. Знаки были слишком маленькими, сливались в ниточку, нужно было их увеличить. Оглянувшись, Влад заметил, что сосед через проход, у которого Инна недавно восседала на коленях, читает книгу. На носу у него сидели очки с толстенными стёклами.

– Вы меня извините, – попросил Влад, – можно на секундочку Ваши очки? Не разберу, что здесь написано. – Влад показал на оберег.

– Да, пожалуйста, – улыбнулся сосед. Он с самого начала полёта наблюдал за Владом и стюардессой и уже откровенно смеялся над ужимками хорошенькой блондинки.

Сквозь очки, использованные как лупа, Влад рассмотрел надпись. Теперь её можно было разобрать! Это были цифры! Длинная цепочка цифр опоясывала по кругу, внизу, у основания, весь клык.

– Вот ещё новость! – соображал Влад, – А это что означает на обереге шаманском? Мобильный телефон в его яранге?

– Спасибо большое – он протянул обратно очки соседу, – Вы мне очень помогли.

Цифры! Что-то же они должны означать! Их много. Ладно, дома возьму хорошее увеличительное стекло, разберусь! Влад снова посмотрел на фотографии. Стандартный набор чукотских сюжетов. Яранги, олени, океан, ледяные торосы и белые медведи... Всё это Влад фотографировал когда – то сам. Когда Влад впервые приехал на Чукотку, с родителями, он серьёзно увлёкся фотографией. Благо возможностей для этого было больше, чем достаточно. Уже через месяц после приезда Влад совершенно случайно обнаружил в посёлке магазин уценённых товаров. Вообще, совершенно непонятно, для кого и с какой целью этот магазин открыли на Крайнем Севере, где зарплаты в три – четыре раза превышали материковые.

Но факт оставался фактом – магазин был и он функционировал. Правда, люди заходили в него не часто, чисто ради интереса. Но Влад нашёл в этом магазине нечто такое, что и стало причиной его нового увлечения. Фотоплёнка и фотобумага! Проявители, закрепители, фиксажи, ослабители! Увеличители, фонари, ванночки, таймеры, фотореле! Пинцеты, светофильтры, резак, фоторамки! От такого выбора и от таких низких цен любой фотограф бы обалдел. После второй или третьей уценки, стоимость некоторых фототоваров была настолько мизерной, что дальше их даже хранить было дороже, чем просто выбросить! В первое же своё посещение магазина уценённых товаров Влад набрал столько, что хватило любому бы на много лет вперёд. И Влад начал усиленно учиться, на своём опыте опровергая все принципы и учения. Он тратил на это своё новое обучение огромное количество времени, которого было у него предостаточно. Фотобачки, фотоувеличители и прочая фото – утварь скоро заняли почти всю комнату, которую его родители отдали в его полное распоряжение. Влад часами сидел за работой. Бумагу и расходные материалы он тратил и приобретал, не жалея, пачками. Постепенно стали получаться и более или менее качественные фотоснимки. Влад печатал фотографии на матовой, глянцевой, теснённой фотобумаге, он пробовал и нечто особенное, какую-нибудь бромосеребряную! Выбор был огромен. С фотоаппаратом Влад, исходил всё ближайшее побережье, снимая всё без разбора: морские огурцы, льдины, нерп, выглядывающих из полыньи, полярное сияние и вертикально поднимающиеся дымы из труб домов, оленей и ездовых собак, океан и скалы, а также уклад, быт и самих коренных представителей Крайнего Севера. Таких снимков, как в аэропорту, он сам бы смог распечатать великое множество. У него были даже уникальные снимки! Как-то зимой весь посёлок стал ходить к белой медведице, приведшей, почему-то к берегу, недавно родившихся трёх белых медвежат. К медведице ходили с местным охотником, который пару лет назад, зимой, прикормил эту самую медведицу, очень сильно изголодавшуюся – тогда были сильные морозы, которые сковали все полыньи и сделали охоту на нерп невозможной. Охотник носил несколько недель этой медведице мясо, сгущённое молоко. Тогда все газеты пестрели сообщениями об этом уникальном случае. Влад даже фамилию охотника почему-то вспомнил – Мочуляк. Карабин у того был за плечами, управлялся с диким зверем при помощи палки. Были снимки, когда зверь становился на задние лапы и был намного выше человека, но не нападал, а повиновался палке, поднятой Мочуляком. Может, именно поэтому, она и привела своих медвежат так близко к посёлку, поступив так, как не поступает ни один дикий зверь. И снова начал охотник, а с ним уже и небольшая группа людей, ходить и кормить медведицу с её медвежатами. И уж полным безумием можно назвать то, как Влад, Андрей и какой-то бомж, наёмный рабочий, каким-то образом, оставшийся в посёлке после летней навигации и не уехавший на материк, пошли сами, без охотника, кормить эту белую медведицу с её тремя медвежатами. Купили в магазине четыре банки сгущёнки, взяли с собой открывашку и пошли. Влад, конечно, был с фотоаппаратом. Почему они тогда не стали обедом для дикого зверя, Влад не понял до сих пор. Они находились с ней рядом, на расстоянии не далее десяти метров, медвежата играли с мячиком, оставленным кем-то из людей, а банки с молоком так и стояли нетронутыми. Возможно медведица подумала, что охотник с палкой сидит где-нибудь за торосом, карауля её? Или уже кого-то съела? Влад щёлкал и щёлкал, не думая о возможной проблеме. Наконец, посетители благополучно ушли. Рассматривая похожие фотографии белого медведя, не те, что были у него дома, Влад снова подумал, как он близок был в тот момент к смерти! До посёлка было, примерно, километра три среди снежных торосов, незамёрзшем море, никто из жителей и не видел, куда и когда они пошли. Дома на фотографиях, потом, родители даже не обратили внимания на нечто необычное, никто не мог поверить, что они там были только втроём. Нет, были и другие случаи, которые только везением и можно объяснить, как ещё один эпизод из жизни Влада на Чукотке. Бродя, как обычно, с Андреем, по окрестностям посёлка, они наткнулись на ящик, выпавший из какого-то грузовика. А в ящике – толовые заряды для

взрывных работ на вечной мерзлоте и огромный пакет детонаторов, причём разных типов – термических и электрических. Нашли и спрятали в маленьком шалашике, сооружённом тут же, около объездной дороги, над небольшим углублением в мёрзлой земле. Несколько детонаторов взяли с собой, для экспериментов. Первый же эксперимент едва не привёл к трагедии. Обмотав термодетонатор тряпкой, смоченной в бензине, Влад поджёг его и бросил за угол здания, ожидая взрыва. Прождав минут пять, подумал, что что-то не сработало и выглянул. Взрыв прогремел именно в этот момент, прямо около уха. Осколки медной трубки детонатора пролетели мимо, но ухо не слышало потом несколько дней. Сходили ещё, после этого, пару раз в шалаш, но больше ничего оттуда не брали, просто посмотрели на сохранность своего схрана боеприпасов. А через неделю, ночью, возле посёлка прогремел сильный взрыв, разбудивший и подкинувший всех. Подняли на ноги жителей и нашли воронку, практически разрушившую дорогу. По какой причине произошла детонация тринитротолуола, находящегося в ящике, до сих пор загадка, но факт остаётся фактом – ночью взорвались несколько килограммов взрывчатки, самопроизвольно, никому не причинив вреда. Влад нахмурил брови, вспоминая подробности этих неприятных событий, дотрагиваясь, почему-то до оберега, повешенного шаманом на его грудь. Почему-то возникло чувство что он имеет к этому какое-то отношение. Но ведь оберег он получил намного позже?!

Самолёт гудел ровно и мощно. Сексуальная стюардесса Инна уже почему-то давно не появлялась, её лёгкая и привлекательная грудь не отвлекала Влада от воспоминаний о тех странных событиях, совпадениях и случаях, которые успели произойти с ним за эти два коротких года, проведённых с родителями на Чукотке. Неизвестно и непонятно до сих пор, кто, зачем и почему разрешил взять их, Влада и Андрея, в хоть и небольшую по продолжительности, но небезопасную экспедицию к Чёрной речке, находившейся на расстоянии сто двадцать километров от посёлка. Предполагалось строительство временного трубопровода для пресной воды от этой самой Чёрной речки до посёлка, поэтому было необходимо разметить трассу для ветки трубопровода. Влад до этого даже не задумывался о том, где посёлок берёт пресную воду для своих нужд. Работы, в принципе, было немного. Собрались в дорогу четыре человека, не считая Влада и Андрея. Предстояло вбить разметочные кольшки в точки прицеливания, измеряя теодолитом величины перепадов высот по линии предполагаемой трассы. Работу группа начала рано утром. Экспедиция вышла из посёлка мыс Шмидта, намереваясь вернуться обратно уже на следующий день. Вымерять трассу начали сразу после выхода из посёлка. Работа шла бойко, Влад и Андрей вбивали кольшки, размахивая тяжёлыми кувалдами. Изредка совершали броски на вездеходе, покрывая сразу два – три километра. Во время очередного переезда, на вездеходе, никто тогда и не придал никакого значения тому, что вездеход прополз «брюхом» по камням. Дойдя в тот же день почти до конца обозначенной границы трассы, закончить работы на ней не успели и отложили окончание до утра следующего дня. И никто из них не знал, и даже не предполагал, что ночью, где – то в тундре, в сопках, прошёл ливень, размыв мёрзлую землю со снегом, растопив ледники в расщелинах. Утром дошли до конца обозначенной трассы, закончили все замеры и разметку и с чувством выполненного долга повернули домой. Смысла возвращаться обратно тем же петляющим маршрутом не было, поэтому решили сократить расстояние и вернуться в посёлок прямым путём, отойдя от только что «пробитой» трассы. Вездеход был сравнительно новый, встречались экзemplяры и намного хуже, плавающий болотоход с широкими гусеницами и просторным десантным отсеком. Он был герметичен внутри, при передвижении по водным преградам грёб гусеницами, мог держать на плаву более полутора тонн груза. Короче, в нём было всё, как в Греции. Вот только Греции, вопреки всем законам жизни, на крайнем Севере не было! То ли народ расслабило тепло лета, то ли небольшое, по меркам Чукотки, расстояние до посёлка, то ли неопасная, на первый взгляд, северная неглубокая речушка, то ли слишком гладко и быстро заканчивалась эта экспедиция, но... Вездеход только на мгновение задержался перед вдруг ставшей такой широ-

кой и бурной речкой. Никто толком и не задумался о том, почему вдруг ручеек превратился в бурлящий поток, который становился всё шире и мощнее! Этот поток нёс на себе всё, что он собрал на своём пути – грязь, дёрн, различные валежники, вырванные с корнем из вечной мерзлоты карликовые кусты и деревья, не успевших укрыться и застигнутых врасплох немногочисленных представителей животного населения тундры, сюда прибавилось огромное количество снежной шуги и льдин. Опасность была реальной, но... Решение люди приняли одно – форсировать реку вплавь! И послушная, привыкшая к таким катаклизмам машина, доверяющая тем, кто ею управлял, смело и мощно ринулась в передвигающуюся с приличной скоростью шугу. Вот здесь и произошла очень опасная ситуация. Вероятно, при езде по камням, у вездехода повредился трак левой гусеницы. Дойдя до середины ручейка, уже заметно превратившегося в бурную горную реку, вездеход потерял эту самую гусеницу. Грести одной гусеницей было невозможно, причём стало заметно, что вездеход зарывается в размякшее дно, шуга начала захлёстывать в нижние боковые стёкла десантного отсека. Влад всё равно продолжал фотографировать. В молодости, а тем более, в юности, очень размыто чувство надвигающейся опасности. Положение было очень опасное! Влад менял плёнку за плёнкой, ставил то слайдовую обратимую, то просто цветную, то черно – белую, менял фоточувствительность плёнок от тридцать второй до двухсотпятидесятой. А «ручеек» нёс неуправляемый вездеход в океан! Большая вода была уже рядом. Километрах в десяти, впереди от вездехода, уже отчётливо было видно место впадения этой бурной реки в Чукотское море. Спасения там на вездеходе, потерявшем гусеницу и потому лишившегося управления, никакого не было! Механик – водитель изо всех сил пытался держать вездеход на одной работающей гусенице носом вперёд, по течению. И вдруг, посредине этого бурлящего безумия, оказался малюсенький островок, прямо по ходу несущегося без полного управления вездехода. Водитель, нужно отдать ему должное, был асс, он всё-таки умудрился вытащить вездеход на этот спасительный островок с помощью одной гусеницы! Елозя взад – вперёд, вездеход, накренившись, тяжело вполз мордой на островок и затих. Вот теперь настал момент уповать только на судьбу и ждать. Только ждать! Встав на кабину машины, можно было увидеть посёлок, но добраться туда возможности не было никакой. Через шугу не перескочишь, её не переплывёшь. До посёлка – не более десять километров! Рации и сигнальных ракет, надеясь на всё ту же «авось», не взяли. Их местонахождение, несмотря на возможность визуального контроля, определить было невозможно. Собирались «на сутки» и запасов никаких не делали. Вот так и просидели в плену у тундры более двух суток. Об их исчезновении, естественно, узнали сразу, забили тревогу, их искали. В воздух были подняты и пограничники, и геологи. Вертолёты утюжили северное небо вдоль трассы, по которой экспедиция ушла и по которой должна была вернуться, но экспедиция пропала. Никто не мог и подумать, что люди изменят обратный маршрут и направят вездеход по короткой дороге. Тем более никто не мог предположить, что потерявшую левую гусеницу машину река утянет почти в открытое море! После пилота одного из вертолётов так и не смог объяснить, почему он решил направить свою машину вдоль одной из бурных речек, несущихся в океан. Там-то он и обнаружил пропавший вездеход, в последнем отчаянном броске, направляемый асом – механиком, вцепившийся одной гусеницей и мордой в малюсенький, неизвестно откуда взявшийся островок. Все члены экспедиции были живы и прыгали от счастья на вездеходе, как первобытные аборигены! Так их и вызволяли из лап стихии – вертолётом, только вызвали для этого машину поменьше – МИ-2. Вертолёт завис над вездеходом на высоте примерно метров десяти, с него скинули веревочную лестницу и все не спеша подняли людей на борт такого милого воздушного судна. После того, как все благополучно взобрались на борт вертолёта, Влад сел на свободное место у иллюминатора и задумался. Сначала появился этот странный остров посреди реки, хотя ландшафт местности не предполагал здесь никаких островов, да и не знал о нём никто. Потом пилоту вдруг вздумалось пройти вдоль этой бурной речки, текущей в океан в совершенно другой стороне от маршрута, где шла экспедиция. Да и речка эта

взялась здесь неизвестно откуда! Живы, конечно, остались – это здорово, но выжили, опять же, из-за какой-то непонятной везучести. Влад снова вытащил клык из – под свитера и уже в который раз, всё более и более внимательно начал его рассматривать.

– Ой, что это?! – неожиданно снова нарисовалась Инна.

Влад чуть не ругнулся от неожиданности.

– Да вот, зуб болел, пришлось вырвать! – попытался он отшутиться, – Коньяк ещё прине-сёшь? А то болит... Наклоняться, чтобы посмотреть, какой зуб вдруг заболел у Влада и демон-стрировать свою грудь девушке было неудобно, он сидел в этот раз далековато, поэтому она просто пошла исполнять заказ.

На клыке были нацарапаны цифры. Нацарапаны очень мелко. Длинная цепочка цифр... Шаман надел Владу на шею этот клык, как будто знал – это для него. И он сказал Владу – «Ты наш!» Почему? Из-за Марины, из-за знания нескольких слов чукотского языка? Или здесь что-то другое? Как он сказал, оберег был старинный, ему его дали прежние шаманы, а им – ещё более ранние шаманы... Когда же он, этот зуб, появился и что означают цифры на нём, и от чего он оберегает, теперь уже Влада?! А если составить необходимую математическую программу, для «компа», подобрать возможные соответствия чему-нибудь? Предположения, варианты...

– Уважаемые пассажиры! Наш самолёт начал снижение. Просим Вас занять свои места, перевести спинки кресел в исходное положение и пристегнуть привязные ремни. Через два-дцать минут мы совершим посадку в аэропорту города Тикси. Температура воздуха в Тикси плюс десять градусов тепла. Спасибо за внимание!

– «Ну вот всё дальше и дальше от Чукотки!» – снова подумал Влад.

– Можно ещё раз Ваши очки, на секундочку? – Влад в очередной раз обратился к соседу с этой просьбой, заметив, что тот засуетился с ремнями.

– Пожалуйста! – улыбнулся приветливо мужчина, подавая ему очки.

Влад снова всматривался в еле – еле различимые цифры на клыке – 1; 3;!; 0; 1; 9... Цифры шли непрерывно, огибая клык тонкой линией, сливаясь в ниточку. Но ниточка имела начало и конец. И начало именно то и означало, о чём уже давно думал Влад, но пока ещё не решил, как он проверит своё предположение.

В начале цепочки цифр стояла дата его рождения! 13 октября! 13, 10, и год! Если это не совпадение, если это оберег, как сказал шаман, то почему он не отдал его, этот самый оберег, Владу ещё в самую первую их встречу? А что тогда, возле «пьяного» вездехода, был именно он – шаман, Влад уже не сомневался. И, потом, на мысе Кожевникова, шаман не зря с ним встречался! Если это действительно оберег, то стоит повнимательнее, изучить эти цифры, все цифры! Даты, либо ещё что-нибудь, на что эти цифры укажут, смогут кое-что объяснить. Но для этого нужны, как минимум, тихая и спокойная обстановка и помощник – аналитик и вычислитель, в общем помощник – компьютер! Его надёжный, как атомный реактор, мно-гоядерный «комп»! Ещё нужны календарь и память! И никаких лиц женского пола! А сейчас у Влада в распоряжении была только память и похоже... Инна, она шла вместе с Владом через взлётное поле к зданию аэропорта.

– Инночка! А как Вы могли так оставить экипаж?

– Похоже мы здесь надолго, – Инна явно была расстроена, – Москва не принимает – туман! Если через час погода не улучшится, командир остановит рейс до утра.

Влад машинально посмотрел на часы – до утра оставалось пять часов.

– Инна, уже почти утро.

– Вот я и иду кофе утренний пить, у нас турочки на борту нет, затерялась где-то, а здесь моя подруга работает – напоит. Угостит, так сказать. Я могу и Вас пригласить – кофе хватит на всех!

Инна улыбнулась Владу открытой красивой улыбкой, всё эротическое возбуждение у неё уже прошло, рядом с Владом бойко шагала обычная девушка, довольно симпатичная, в фирменной одежде «Аэрофлота».

– Тебе не холодно? – вдруг вспомнил Влад, опять переходя на «ты».

– Да нет! Идти-то, вон, всего каких-то пятьдесят метров, – рассмеялась стюардесса, – У них даже автобусов для пассажиров нет!

Действительно, Влад уже давно заметил, что в этих северных аэропортах, рассыпанных по всему Северу, не было автобусов, которые подвозят пассажиров к самолёту. Самолёт, после приземления, просто подгоняют к аэровокзалу и пассажиры, своим ходом преодолевая эти несчастные пятьдесят – семьдесят метров, бойко маршируют к выходу – входу, где их и встречают всевозможные родственники, родители, друзья... И, конечно же, таксисты! Так же, тем же Макаром, перемещались и улетающие. Объяснялось всё очень просто – загруженность и пропускная способность этих аэропортов мизерная, поэтому расширять лишнюю инфраструктуру не имело никакого смысла. Тягай этот самолёт по «взлётке» хоть целый день – на подлёте очередного лайнера всё равно нет! Ну, это конечно утрировано, факт остаётся фактом – аэропорты Севера не отличаются обилием в них авиалайнеров.

Кофе подруга Инны варила и вправду чудесный – очень терпкий и ароматный. Вместо чашечек она разлила его в огромные пол-литровые кружки и, передавая Инне, мотнула головой в сторону Влада.

– Хахаль?! – спокойно и обыденно спросила она подругу. Та чуть не расплескала напиток от услышанного, поперхнувшись, и закашлялась. Влад тихонечко постучал по спине своей новой и такой неожиданной подруги.

– Нет ещё! – ответил он сам за Инну, – Пока в перспективе, но вот-вот стану им.

Инна немного отошла и сидела, не зная, возмущаться или смеяться. Так и не определившись, она решила лучше промолчать и просто махнула рукой.

Влад небольшими глотками потягивал из кружки прекрасный кофе, какой обычно встречается на пути у человека совершенно неожиданно, нехотя слушая болтовню подружек. Разговор вёлся в основном профессиональный, ну и, конечно, о воздушных романах, которые в их профессии не редки.

– Инна, а ты давно уже летаешь? – вмешался в разговор Влад, уловив короткую паузу в диалоге между небесными подругами.

– Да! Уже три месяца! – гордо ответила девушка. – Как школу закончила так и...

– Она – «двоечница»! – засмеялась вдруг весело подруга Инны, – Институт завалила, а из Москвы уезжать не захотела.

– А ты откуда? – спросил Влад теперь уже подружку.

– Да кому как! – снова отпарировала официантка, – С Тикси! Северяне мы!

Инна фыркнула, смеясь, и весело посмотрела на Влада.

– Я в следующем году всё равно поступлю! – гордо заявила она и покраснела.

Влад уже снова сосредоточился и в задумчивой отрешённости, которая уже была знакома Инне, медленно допил свой транзитный кофе...

Тогда, после окончания восьмого класса, они всем выпуском пошли на косу мыса Кожевникова. Рассвет встретить не получилось – летом солнце ходило по кругу, не опускаясь за горизонт. Побродив всем классом по берегу океана и подурчившись, все как-то спонтанно разошлись по кружкам, по компаниям. Влад, неведомым образом, совсем случайно, оказался один на один с Мариной. Они, не спеша, прошли до сопки, поднялись на её скалистую часть и остановились перед «Чертовым пальцем». Чёрная скала исполином поднималась из клочущего океана, обдававшим её, эту самую скалу, обильной пеной. Скала возвышалась над всеми остальными скалами, была неприступна, оставив людям лишь небольшую площадку.

Влад перепрыгнул через узкую расщелину и подал руку Марине. Стоять на маленьком пяточке было тесно и некомфортно, со всех сторон их окружали глубокие отвесные пропасти, далеко внизу, тщетно пытаясь свалить исполина, неистово бились волны, выплёвывая в него, от своей беспомощности, клоки пены. Марина стояла, опираясь спиной как раз на палец, указывающий в небо. Влад сильно прижимался к ней и долго целовал, зная, что это в последний раз. Марина была одета довольно легко для этого времени года, она не собиралась подниматься сюда – на скалы, где от моря поднимались холод и страх. Влад ласкал её нежную и очень упругую грудь инстинктивно, даже не осознавая этого. Он не знал тогда, что и у тела человека есть память и человеческие инстинкты подчас не могут быть управляемы его мозгом – уж очень они бывают сильны, эти инстинкты! Влад, в полной мере ощущал своими дрожащими руками то, что он не мог ощущать длинными, тёмными и холодными вечерами, когда на них с Мариной было надето по тонне одежды. Их тела трепетали, впереди чувствовалось что-то неизвестное, что-то запретное, что-то, куда им ещё было нельзя. Влад давно уже нацеливался сравнить Марину с теми журналчиками, которые им понадарили моряки с сухогрузов, но всё как-то не решался, какая-то сила останавливала, не пускала дальше. И эта сила, о чудо, была намного сильнее даже самого Влада, сильнее его сумасшедших чувств! Так и не опустил тогда Влад, на скале, руку «ниже ватерлинии», не позволила чужая сила совершить непоправимое, сохранила его для чего-то и для кого-то! Он, весь в огне, прижимался к девушке и целовал её, согревал её, защищал её от всего плохого, пошлого и несвоевременного. Он обнимал её, слившуюся в одно целое, с «Чертовым пальцем»! Минут через двадцать, когда дальше уже стоять, не двигаясь, стало тяжело, да и признаки возбуждения у Влада стали ощутимы для Марины, он отодвинулся от неё, повернулся и перескочил обратно, через трещину, которая была очень глубокой и внизу нещадно бушевали волны, и протянул руку, плывущей от томного нового чувства, Марине. Девушка шагнула смело, глядя только в глаза Владу, не обращая внимания ни на скользкие камни, ни на ревущий внизу океан, ни на огромные скалы вокруг. Она очутилась прямо в объятиях Влада, опустившего её уже на снежный массив, рядом с собой. «Чертов палец» внушал страх, но не им! Тогда Влад совсем не думал, куда и на сколько он уезжает, увидятся ли они ещё с Мариной, увидит ли он ещё хотя бы раз этот прекрасный уголок планеты Земля, называемый Чукотка, что может произойти в её и всего судьбе через год, пять, десять лет, что может вообще произойти с миром, в котором они живут? Он просто шёл с одноклассницей по косе, соединяющей плато мыса Кожевникова и берег, на котором полукругом, перед ними, лежал посёлок со странным названием – Рыркайпий.

– Лежище моржей! – вдруг произнесла Марина.

– Что? – не понял Влад.

– Рыркайпий, с чукотского переводится как «лежище моржей». Их здесь когда-то много было.

Моржей Влад видел только на фотографиях, здесь они уже не водились. Они заплывали в залив, но далеко, их было видно, но очень далеко в море. За ними уже не охотились! Проходя по косе, Влад обернулся, как будто его кто-то одёрнул. На высоте спичечного коробка, над горизонтом, возвышался город! Были видны высокие дома, какие-то трубы, из которых шёл дым. Марина подошла сзади, прижалась к Владу и обняла его руками за пояс. Влад снова почувствовал, что в его спину упёрлись два маленьких, но очень упругих бугорка – нарастающая девичья грудь была очень возбуждающей. Марина тоже смотрела, вместе с Владом, на горизонт, где стоял город. Дымы, из труб, шевелились змеями, город был покрыт облаком выхлопных газов и тепла – город жил своей жизнью и казался явно чужим, диким для этих, в другом смысле, диких мест. И Владу, вдруг стало ясно, что его жизнь будет ещё не раз переплетаться с этими двумя противоположностями – пустотой дикого города, который ему сейчас показывают специально, он это чувствовал, и красотой и спокойствием безмолвного снега и неукротимостью могучего океана, лежащими сзади, в тундре и впереди, перед Владом и Мариной,

между ними и городом над горизонтом. Влад ещё долго смотрел на город, ему было тепло и приятно от тепла прижимавшейся к нему девушки, прощающей с ним и со своей юностью. Он смотрел и смотрел, пока город сам не растаял в синей дымке. Остались один океан и далёкий горизонт, где уже не было никакого города. А перед величественным океаном стояли две крохотные фигурки – они только что закончили 8-й класс и разъезжались в разные стороны. Везде дети взрослеют одинаково – и на Севере, и на Юге...

– Влад?! Влад?! – Инна теребила его за рукав уже минуты три, – А Вы в Москве живёте?

– Нет, на Юге. Там теплее! А что?

– Да так... Я в общаге живу, прямо в аэропорту, – почему-то разоткровенничалась девушка, – У нас там комнаты по четыре человека, все летаем, но там всё равно кто-нибудь остаётся.

Инна говорила без какого-либо намёка, это Влад понял сразу. Она просто рассказывала – нет, не жаловалась, а просто так. Она держала большую кружку с кофе и говорила. Влад смотрел на неё и делал вид, что слушает...

Он был на Чукотке. И всё ещё с Мариной! Тепло и нежность её ласк ещё не остыли в нём! Мимо прошли несколько студентов – стройотряд, приехавший вчера из Магадана, так понял Влад. Они каждый год приезжают на три месяца, вместе с сезонными рабочими. На Севере очень хорошо платили и студенты с удовольствием уезжали сюда работать. И что немаловажно в студенческой жизни, а скорее всего, и самое главное – романтика! Часов у Влада с Мариной не было, но раз студенты проснулись, значит, давно уже утро, подумал Влад. Пора, всё-таки, идти домой! Проводив по пути Марину, посёлок всё-таки был крошечным, Влад добрёл до дома и завалился спать. Вечером он проснулся в какой-то тревоге. Посёлок шумел. Бродили туда и сюда люди, тявкали потревоженные собаки.

– Что случилось? – задал Влад вопрос первому встречному. Такой вопрос в посёлке можно было задать любому, обитатели таких посёлков всегда были в курсе всех дел посёлка и всех событий, происходивших в нём.

– Да студентка разбилась, со скалы упала, на мысе, – сосед махнул рукой в сторону мыса Кожевникова, – Они с парнем на «Чертовом пальце» были, она в трещину-то и провалилась. Парень каким-то образом за ней вниз спустился, на руках в волнах её держал, чтобы не захлебнулась. Она позвоночник сразу сломала, но живая была. Так на его руках, внизу, в волнах и померла. Их только час назад, как нашли – уже оба в морге.

Человек, высказавший всё сразу, куда-то сразу же и убежал, а Влад ринулся к Марине. Девушка уже всё знала и встретила Влада бледной, как полотно. Они не сказали друг другу не слова. «Чертов палец» сегодня получил свою очередную жертву! Не их!..

– Влад, я так и думала – рейс отложили! Можно мне с Вами посидеть?

Девушка была слабенькая и незащитная. Она прислонилась всем телом к Владу и закрыла глаза. Она не пошла в место отдыха экипажей авиалайнеров, она не осталась в бытовке у подруги – буфетчицы, не поехала на часок – другой к родственникам. Что её заставило, чем она руководствовалась Влад не понимал, но факт есть факт – девушка отдыхала, положив свою крохотную голову на его плечо. Истинно, формы любви людям не подвластны! Влад, естественно, не противился. Он был человек с уже сложившимися принципами и смотрел на окружающий его мир под своим, собственным, углом, но он был мужчиной, не лишённым чувства такта, и если женщина просит то... Ни шагу назад! За десять часов полёта он уже к ней привык. Да и грудь стюардессы ему очень понравилась! Бродящее по волнам памяти сознание нет-нет, да и возвращалось к её нежным, маленьким и упругим мячикам. А они снова вырвались из упаковки и вызывающе глядели на Влада своими розовыми и выпуклыми глаз-

ками. Снова, не сдержавшись, Влад засунул их обратно. Девушка даже не отреагировала. Пассажиры вокруг не было, и Влад решился приласкать спящую Инну. Он погладил её по голове, по плечу, спустился к... Её мячики отозвались мгновенно, как будто всё это время наблюдали за странным знакомым своей хозяйки. Они сразу напряглись и стали острыми, из круглых превратились в большие капли с острыми концами. Их «глазки» стали жесткими, но и очень манящими, они как бы шепча Владу: – «Ну, смелее же, ну...». И Влад начал нежно гладить и покручивать эти милые глазки. Инна глубже задышала, но не проснулась. Внезапно, откуда-то из подсобки, появилась подруга Инны, вытаращив от неожиданной сцены глаза. Немного постояла, поглядела, помахала своей головой, то ли осуждая Влада, то ли одобряя, глубоко вздохнула и ушла к себе. Спускаться ниже груди Влад не стал, не та всё же обстановка, и снова аккуратно убрал разыгравшиеся, уже в который раз, мячики, назад в упаковку, поплотнее прижал девушку и закрыл глаза.

В то лето Влада назначили самым умным среди всех чукчей, так как он учился в школе – интернате для чукчей и эскимосов. Мама была его учительницей по математике, физике, черчению и всем точным наукам, как и по другим, когда учителя по этим предметам отсутствовали по каким-либо причинам, а отсутствие случалось частенько. Вдобавок Влад выиграл олимпиаду по математике, на которую ездил в Магадан, там же занял второе место по физике и третье место по химии. В итоге получил приглашение в летнюю физико – математическую школу при НГУ в Академгородке под Новосибирском, перед поступлением туда же, уже в девятые – десятые классы, в физико – математическую школу. Вдобавок к этому, Влад получил право сфотографироваться перед знаменем Победы в Кремле за организаторскую работу в своей поселковой школе, за два года организации всех культурно – массовых и научных мероприятий. Последним штрихом в его детской карьере явилось участие в соревнованиях по пулевой стрельбе в Магадане, за сборную Чукотки. Тогда, ещё в седьмом классе, в секцию по стрельбе из малокалиберной винтовки, в школу посёлка мыс Шмидта, его привёл отец. Привёл так же, как за два года до этого, в городе, на материке, привёл в такую же секцию пулевой стрельбы, где уже через год Влад получил первый разряд, выбив двести девяносто шесть очков из трёхсот возможных, в упражнении МВ – 8, три серии по десять выстрелов. Теперь стрелять пришлось из старинной ТОЗ – 8 с открытым прицелом, который после диоптрического казался каменным веком. Расстояние до мишеней было не более двадцати метров, по длине спортивного зала. Из-за этого непривычного прицела Влад и промахнулся при приеме в секцию, выбив двадцать девять очков из трёх контрольных выстрелов, как и попросил физрук, ведущий эту самую секцию на общественных началах.

– Для первого раза, очень даже ничего! – похвалил физрук, – Девятнадцать очков из тридцати. Одна мимо. Ну, это ничего! Давай, будем тренироваться!

Тогда Влад возмутился:

– Ищите третью пулю! Я точно видел – она вошла в «десятку»!

Физрук ещё раз пересмотрел мишень и нашёл – «в десятке»! А после, как физрук увидел его, Влада, книжку спортсмена, с отметками об участии в соревнованиях и, полученных результатах, прекратил вступительные испытания и сразу же зачислил Влада в сборную Чукотки по пулевой стрельбе, выдав ему новенькую винтовку БК, уже с диоптрическим прицелом и цинк патронов к ней. Ещё тогда, Влад не сошёлся характерами в борьбе за свои детские права. Ненавидел над собой насилия, ни, ни морального, свободолюбивый Влад. В знак протеста против деспотии мамы, он убежал из дома, прихватив из дома банку тушёнки, пару спиртовых таблеток, спички и буханку хлеба. Убежал то в тундру, то на мыс Кожевникова, то просто на побережье километров на пять. Там, на свободе, в одиночестве он остывал, съедал свой провиант и возвращался. Бежать на Чукотке было некуда! Периодически мама вызывала в школу родителей, то есть отца. Это случалось после маминой капитуляции перед неутоми-

мым борцом за свою детскую независимость. Проходя по геометрии теорему Пифагора, Влад где-то раздобыл учебник занимательной геометрии и выучил оттуда около тридцати вариантов доказательства этой самой теоремы. Все способы, кроме того, что преподавала его мама. Принципиально! На вопрос мамы в классе, кто будет эту теорему доказывать у доски, Влад поднял руку. Все и так в классе знали, что Влад получает пятёрки не из-за того, что его мама преподаёт им школьные предметы. Мама периодически всё равно вызывала его к доске – чтобы не терял бдительность. Вот и теперь вызвала.

– Неправильно! – спокойно и с расстановкой произнесла она, внимательно рассмотрев на доске последовательность предложенного Владом иного способа доказательства данной теоремы – иным, нежели знала сама. Ошибок в доказательстве не углядела, но забраковала! И второй, и третий, и четвёртый способ! И, наконец, после того, как она поняла, что ученик над ней явно насмеяется, так как весь класс уже смеялся вовсю, она выгнала сына из школы, сказав, чтобы завтра он прибыл к директору с родителями и сделала соответствующую запись в дневнике. Вечером отец получил дневник с двойкой и вызовом в школу, но на все требования своей жены идти категорически отказался.

– Участвовать в этом спектакле не желаю! – смеялся отец.

Этот инцидент стал ещё одной причиной очередной голодовки. Теперь, приходя из школы, Влад тайком, ножичком, срезал с туши оленя, подвешенной прямо в общем коридоре общежития, стружку мяса, макал эту стружку в им же приготовленный соус – томатную пасту, перемешанную с красным молотым перцем и солью и с удовольствием уплетал, раз и навсегда полюбив излюбленное лакомство всех северян – строганину! Дома же Влад демонстративно отказывался от всех видов пищи. Мама, к его удивлению, вообще никак не реагировала на его протест. Он просто не догадывался, что мама ещё в первый же день голодовки заметила на оленьей туше свежие следы от ножа и решила, что мясная диета, тем более диета сырым мясом, не станет для её сына вредной. А, наоборот, очень полезной! Вот приблизительно так и жил Влад эти два чукотских года – в гармонии с душой и природой, напиваясь романтикой Чукотки. И уехал оттуда, закончив восьмой класс со всеми пятёрками, в неизвестность, чего и добивался всё это время, победив в этой борьбе за независимость. В кармане лежало приглашение в Москву, для получения награды – фотографии перед знаменем Победы СССР в Великой Отечественной войне в 1945 году, билет и направление в Уссурийск, для поступления в Суворовское училище, билет и вызов в Магадан, на соревнования по пулевой стрельбе за сборную Чукотки и билет и вызов в Новосибирский Академгородок – учёбы в течение тридцати дней в летней физико – математической школе с последующим, опять же после очередной олимпиады – экзамена, возможным зачислением в физико – математическую школу – интернат при Новосибирском Государственном Университете.

Юность была почти окончена. Независимость была почти обретаена. Все билеты, все документы и направления во все концы его необъятной Родины, от Магадана до Москвы, лежали в кармане у Влада. Родители вообще добились его желанной независимостью – добавили денег на авиабилеты, чтобы можно было лететь откуда угодно и куда угодно – из Москвы или Новосибирска, например, в Ростов-на-Дону, где жили сестра и бабушка Влада. От Магадана – до Новосибирска и обратно на мыс Шмидта, оставляя Владу право на учёбу и на Чукотке, Из Уссурийска в Новосибирск, оставляя право учиться в ФМШ при НГУ, если конкурс и там пройдёт. Тогда, обременённый свалившейся на него независимостью, с грузом билетов и приглашений в несколько направлений, рассованных по карманам, Влад и не предполагал, что через много лет он снова будет лететь в Москву с той самой Чукотки, где осталась уже не его взрослая, как и он, одноклассница, а просто хорошая и очень красивая женщина Марина, где удалось осуществить, и успешно, задуманный опыт по просмотру картин прошлого и настоящего, находящихся от места их просмотра на сотни лет назад и на многие сотни и тысячи километров, где ему шаман подарил оберег, ждавший именно его, Влада, уже неизвестно сколько лет. Он точно

знал, что ему обязательно придётся вернуться сюда – в эти дикие, но такие любимые места. Вернуться в свою юность. И, по всей видимости, не раз!

Инна во сне вздрогнула и открыла сонные глаза. Головы с плеча Влада она не убрала, просто смотрела на него сбоку. Повернув в её сторону, Влад решительно прижался своими губами к её. Девушка ответила взаимностью. После долгого поцелуя она мягко отстранилась, снова закрыла глаза и томно потянулась. Открылась дверь подсобки и появилась подруга Инны.

– Ты что мне пела – не хахаль? Хахаль! Я же вижу и видела, – протянула она загадочно.

– Кофе дашь? – примирительно ответила Инна, всё ещё не убирая головы с плеча Влада.

– Пошли уж! Что с вами делать?

Официантка пошла готовить кофе.

Утром рейс в Москву был продолжен. Чукотка осталась позади и Влад летел с лёгким чувством грусти и с большим – эйфории. Он выполнил всё, что планировал и желал, даже больше, даже то, что и не ожидал. И то и другое ему очень понравилось! Чукотка никогда ещё его не подводила, оправдывала всегда все его ожидания.

Выходя из самолёта в аэропорту Домодедово, Влад сжимал рукой свой оберег – острый клык белого медведя. Его тайна манила пытливым ум Влада...

Глава 3. Гипотеза

Возвращение домой происходит один раз, потом второй, затем третий и пошло – поехало. И всё равно к этим возвращениям не привыкнешь! Уезжать привыкаешь, а к приездам – нет. И всякий раз это происходит по-разному. Едешь из аэропорта, а дома тебя ждут, узнают, радуются твоему возвращению. И ты радуешься. И город тебе мирно улыбается, тоже радуется, что возвратился к нему. Ты же его детище! Это он сформировал тебя таким, какой ты есть сейчас, это он тебя раскрутил, разогнал и отпустил в большой мир себя показать и его, город, сделать знаменитым. Да если и не показал ты себя и не сделал его, город, знаменитым, всё равно он тебе очень рад. Ведь всё равно ты что-то же сделал! Что-то на пути к этой знаменитости. А если даже ничего не сделал, то ты же пытался сделать? Ты же не сдался?! А если ты даже и не пытался, то всё равно ты об этом подумал? А от того, о чём ты хоть раз подумал, ты уже не откажешься, ты уже будешь искать реализации своей мысли, не захочешь огорчать свой город? Ну да, подумал, конечно. Как стать знаменитым и город свой, родной, знаменитым сделать! И придумал даже и попытался даже! И пусть в этот раз осечка, но ведь будут, будут же ещё попытки! Всё равно – получится!

Влад ехал по своему городу и радовался. Радовался просто так, как всё живое радуется весеннему солнцу, просыпаясь от зимней спячки. Он улыбался и разговаривал сам внутри себя. Шизофрения? Раздвоение личности? Какая-то мания? Нет, хуже. Это было не раздвоение. Влад умножался, троился, пятирился, семирился. Или семикратился? Влад улыбнулся, не находя в своём интеллектуальном багаже точного сравнения его, Влада, состояния. Чему оно соответствовало? Ему было просто хорошо – он приехал в свой любимый город. Влад посмотрел в окно автомобиля, в котором ехал, и обомлел – он видел перед собой картину, что запомнил на всю жизнь – город, живущий своей собственной жизнью, с многоэтажными домами и трубами, из которых змеями поднимался вверх дым, город, окутанный облаком из выхлопных газов и тепла. Город жил и город его ждал! Влад видел его в то утро. В то первое утро после выпускного вечера, там в посёлке, со странным чукотским названием – Рыркайпий, что значит «лежбище моржей». Он вместе с Мариной увидел этот самый город над горизонтом, в небе. Они стояли, прижавшись друг к другу, над бушующим Северным океаном, на скале, с не менее странным названием – «Чертов палец». Тогда Влад увидел свой город, который ему показали. Он и не знал тогда о его существовании, но запомнил ту картинку навсегда. И вот сейчас две картинки слились в одну. Увиденное сейчас вытянула из памяти виденное в далёкой юности. Влад покрылся «мурашками» от неожиданного видения. А город всё это время не менялся и ждал.

– Чем заниматься собираешься?

Таня, одноклассница, стояла около огромной сосны. Влад пожал плечами.

– Домой поеду. Там учиться буду.

Академгородок находился в тридцати километрах от Новосибирска, среди леса из сосен и берёз. Белки в этом лесу жили толпами, попрошайничая и не боясь людей – их здесь «в глаз» не били! На проспекте стройными рядами стояли здания институтов. Сам проспект упирался в Институт ядерной физики, со своим синхрофазотроном, позволявший людям делать одно открытие за другим. В школе преподавали те же преподаватели, что и в Новосибирском Государственном Университете, поэтому вступительные экзамены в НГУ были простой формальностью – «вундеркиндов» преподаватели знали уже как облупленных. Два года школы – интерната давали о себе знать – были пройдены практически первые два курса университета, математический анализ, неэвклидова геометрия. Несколько недель Влад бился над теоремой Ферма, но, к своему сожалению, не добил её. Мечты стать учёным и работать в каком-нибудь

институте Академгородка, после окончания НГУ, Влада не прельщали. Поэтому и стоял он сейчас с Таней, с которой уже несколько месяцев разговаривал гораздо теплее, чем с обычной одноклассницей. Таня была родом из Томска, туда и собиралась ехать после окончания школы – поступать в медицинский. В отличие от многих, она не хотела становиться математиком или физиком. В школе было четырнадцать десятых классов, семь из них – те, кто после девятого, законченного в этой же школе. Оставались учиться в НГУ почти все, сдать вступительные экзамены не представляло труда, да и перспектива стать потом настоящим учёным была налицо. Кое-кто уезжал в МФТИ, МАИ, кто-то в другие Новосибирские ВУЗы. Влад родился и вырос на Юге, затем Чукотка, после неё – Новосибирск. Дальше жизнь снова требовала выбора, а выбор напрашивался сам собой – на Родину, на Юг! Возвращаться на Юг было решением не спонтанным. Это было осознанное решение – Родина звала обратно, звала во взрослую жизнь. Влад вычитал где-то теорию, согласно которой чувство, называемое ностальгией, напрямую зависит от простой физиологической потребности человека в воде. Но человек на девяносто процентов состоит из воды, именно из той воды, в которой, или, по другому, около которой живут или жили его родители, пьют или пили эту воду, в которой развивался он сам, находясь ещё внутри своей мамы. После своего рождения человек продолжает свою жизнедеятельность в этой воде – пьёт её в чистом виде и виде различных соков, компотов, настоев, чаев, киселей и далее, и тому подобное, и ест всё в ней и на основе её приготовленное. Поэтому человек и состоит на 90 процентов из воды, из своей воды! А ведь общеизвестно, хотя и мало изучено, что вода, помимо своих физических свойств, имеет ещё и изменяющуюся информационную структуру. Вода может запоминать, заряжаться, лечить, успокаивать и делать ещё много такого, чему современная наука не находит пока объяснения. Вот и предположил кто-то, что именно вода, из которой состоит организм человека, постоянно желает соединиться с той водой, которая течёт в месте рождения человека. Человек, с той родной водой, имеет одинаковый химико – физико – биологические свойства, отличающиеся от других регионов и местностей. Вода, из которой создан человек, тянется к тому месту, к тому резервуару, откуда эта вода была взята для создания этого человека. Они хотят соединиться, хотя бы быть рядом. Вот и тянет человека к месту, откуда он родом, вот и страдает он этого, не понимая, в чём причина. И назвал человек это чувство ностальгией. Тоской по Родине!

– А я к тебе в гости приеду! – вдруг, ни с того, ни с сего, сказала Таня.

– Приезжай.

– А ты?

– И я приеду. В гости.

Разговор не клеился. Владу приятно было стоять возле толстой сосны, прижимать к ней небольшую Таню, всё крепче вдавливая её в сосну. Таня не говорила, что ей больно, может, терпела, просто смотрела на Влада снизу вверх. Она, наверное, уже задавалась вопросами о дне сегодняшнем, о хлебе насущном, о семье, о карьере и скорее всего, видела Влада в своей жизни в качестве, может быть, и мужа, а почему и нет? В общем, она думала о том, о чём в определённый период жизни, инстинктивно, думает обычный нормальный человек. Девочки взрослеют раньше, поэтому и задумываются они об этих вопросах раньше. Владу размышлять об этом было ещё рано, в его молодом бурлящем мозгу не было, пока, места этим вопросам. Он и так считался в классе немного того... Одноклассники, частенько так не понимают друг друга! Прожив два года в одной общаге, в одном проходном коридоре, они так и не узнали друг о друге толком ничего. Рановато ещё было. Люди, взрослые, и то ошибаются друг в друге, а тут всё-таки школа, хоть всё и по-взрослому. Владу нужно было что-то другое, он это чувствовал. Больше. Намного больше.

– Влад, поцелуй меня! Только чуть-чуть... Немножко...

Влад улетел сразу после выпуска из ФМШ, оставив Таню, новых друзей, Академгородок и Сибирь. Его ждал дом. И ещё его ждала большая работа. Идея, возникшая ещё на Чукотке, не покидала Влада, не давала ему покоя. Как будто кто-то могущественный заставлял его всё время думать и размышлять над этой «сумасшедшей», с точки зрения обыкновенных людей, идеей!

– Таня, ты что-нибудь слышала об информационном поле Земли?

– Слышала.

Влад и сам слышал. Он знал, что общий уровень учащихся в ФМШ намного выше, чем в обычной поселковой «восьмилетке», но и для него самого было легче доказать теорему Бореля – Лебега, чем объяснить, что и как работает в этом самом поле – информационном поле, о котором были только догадки и гипотезы. Леонардо – да – Винчи со своим вертолёт-ом, Пабло Пикассо со своими знаменитыми картинами то ли из прошлого, то ли из будущего, Жюль Верн со своей подводной лодкой и таких примеров масса. Были сотни и тысячи свидетельств о том, что у людей появляется очень подробное представление о вещах, о предметах, об устройствах, которые в то время, когда они, эти люди, жили или живут, попросту не существовало. Не могли существовать и всё! Их не было и нет! Но их рисовали, делали чертежи, пробные макеты и модели, сами не понимая механизм действия. Природы явления. Давно уже бытует утверждение, что стоит вечером, перед самым сном, закрыть глаза и дать распоряжение мозгу решить какую-нибудь задачу, проблему, как решение выплывет из подсознания уже ночью или ближе к утру. Или на следующую ночь. Менделееву ночью пришла в голову таблица химических элементов – установленный и неоспоримый факт! Изобретение? Вряд ли. Просто взяла и пришла? Да нет же! Показали! Мол, не трудись, не ломай голову – всё это уже давно есть. На, смотри! Таблица находилась в информационном поле.

– Таня, а тебе сны снятся? Снились? О чём?

Таня была симпатичная девушка, милая и симпатичная, с большими серыми глазами, стройная. Возможно, когда-то и кому-то станет хорошей женой. И матерью. Возможно, будет. Наверняка будет – она к этому слишком серьёзно относится и готовится. Но Влада сейчас волновало совершенно другое. Он ехал в Ростов-на-Дону учиться и думать. Думать – в перерывах между учёбой и... Жизнью! Когда начинаешь жить обыкновенной человеческой жизнью, думать не получается. А может нужно просто дать задание мозгу? А самому ждать ответа, живя в это время обычной человеческой жизнью. А мозг сам извлечёт из информационного поля всё, что тебе требуется. Что это поле существует, у Влада вообще сомнений никаких не было. Дай команду мозгу, и он найдёт в этой «библиотеке» нужное тебе произведение. Даже не имея возможности определить, что ты хочешь найти в этом поле. Влад искал не просто что-то, он искал дискретные точки, пиксели, где сконцентрирована одна информация о чём-то, о каком-то одном событии. Как в мультипликации! Влад иногда с удивлением обращался к другим сферам деятельности человека, кроме, пожалуй, математики, к которой испытывал особое расположение. Что такое мультфильм, как его создают? Влад это знал. И это было очень похоже на то, что зрело в его мозгу. Рисуют картинку в блокноте, на одном листе, потом на втором, на следующем листке, рисуют ту же самую картинку, в которой совпадает всё, кроме одного какого-то крохотного движения или положения, допустим, крыльев бабочки. На третьем – то же самое, только крылья бабочки ещё дальше смещены. Потом ещё один листок – и крылья уже в другом месте. Дискретные листки, эпизоды, события, картинки. Но быстро перелистывая блокнот, меняют страницы и бабочка оживает, начинает махать крыльями. Здесь уже задействована и физиология человека, строение его глаза и мозга.

Дело в том, что изображения, фокусирующиеся на сетчатке глаза, передаются в мозг с замедлением, на микросекунды, но с замедлением. И передаются именно отдельные картинки, фотографирующиеся этой сетчаткой. А уже в мозгу они, эти кадрики, сливаются в сплошной поток информации, мозг их распознаёт и считывает, строя снова ленту из непре-

рывных движений, как было и в оригинале. Глаз и мозг – великое изобретение природы, которая подсказала людям кинокамеру. Люди задаром приобрели у Природы кинокамеру – её изобретение. И им за это ничего! А если это всё так, то почему бы в каждом пикселе информационного поля не могла бы быть вложена информация о каком-то любом событии и рядом, в соседнем пикселе, продолжение этой информации? Ещё один эпизод. Фотография, снимок, где у бабочки крылья уже передвинулись?

– Таня! А где может быть этот информационный слой? Прослойка?

Тане хотелось любви. И детей. Таня хотела семью, она хотела остаться в Академгородке, студентам здесь запросто предоставляли семейное общежитие. Таня не хотела остаться в информационном поле в виде информации или фотографии, она хотела здесь родить. Родить человека. От другого человека. Но Влад думал пока только об информационном поле, поэтому и уехал в Ростов-на-Дону, не желая пока думать ни о чём другом, а уж, тем более, о том, чтобы помочь Тане родить другого человека. Рано ему ещё было.

А учиться пришлось и было не рано. И не поздно. Но первый год после школы Влад пропустил, так и не выбрав себе место дальнейшего обучения. После Академгородка это трудно было сделать. Деятельность учёного, а пока младшего научного сотрудника института, допустим, прикладной математики, Влада мало интересовала. Вот деньги... Год терять не хотелось – началась работа в проектном институте «Проектпромвентиляция»;

В институте, куда Влад пошёл работать вместе с другом, Юрой, с которым учился ещё в школе, до Чукотки, с первого класса по шестой, сначала работать было интересно. Первые две недели, до первой командировки в Донецк, на какой – то металлургический завод. Деятельность всего института заключалась в том, чтобы давать рекомендации после осмотра и проверки оборудования систем вентиляции об улучшении работы, о необходимости замены самих приточных и вытяжных вентиляторов, увеличении или сокращении объёмом притока или вытяжки, для обеспечения максимального комфорта работающего персонала. Работа была не сложная и хорошо оплачивалась. Институт заключал договора с промышленными предприятиями, нуждавшихся в его, института, услугах, получал предоплаты, направлял своих сотрудников в командировки группами по четыре – пять человек, проводил замеры, по имеющимся таблицам производил соответствующие расчёты и, как итог, давал эти самые рекомендации, за которые уже производился окончательный расчёт. Выехав в первую же командировку в составе пяти человек, Влад целый день ходил с ними по заводу, изучая и рассматривая устройство вентиляционных систем, поднимался на крышу, осматривая вытяжные вентиляторы, под окнами цехов рассматривал приточные вентиляторы, специальным прибором измерял давление воздуха в воздуховодах, определял визуально число открытых окон или вычислял, приблизительно, площадь разбитых стёкол. Вечером командировочная бригада, разместившаяся в местной гостинице, отмечала свой первый день пребывания в командировке, закупив для этих целей целый ящик местного вина. А Влад раскрыл книги таблиц и, периодически обращаясь к коллегам с вопросами, изучал методику проведения замеров и всего хода проводимых работ. Командировка, в таком объёме работ на всю бригаду, была рассчитана на три недели. Вечером следующего дня Влад положил перед начальником, старшим группы командированных, полный и окончательный расчёт необходимых мероприятий по обеспечению максимальной эффективности уже работающей вентиляции и рекомендации по увеличению её эффективности. Расчёты, подтверждённые таблицами, выкладками, обоснованные математически. Оказалось, для этого совсем не обязательно ходить по этажам и проводить замеры, осматривать визуально было быстрее и проще. Были и схемы вентиляции, на которых указывались и размеры вентиляционных коробов и номера двигателей насосов, и нагнетающих, и всасывающих. Размер и площади битых стёкол по всему заводу Влад определил за пол-

часа. Руководитель командированной бригады рассматривал анализ, подготовленный Владом, нахмутив брови. Ему понадобилось с полчаса чтобы признать всё, предложенное Владом.

– Ну, и что теперь делать будем? – наконец, изрёк Анатолий, так звали руководителя, – Институт закрывать?

Влад не знал. Институт уже был не нужен. Сегодня он выполнил работу целого отдела из тридцати человек, на которую им отводился целый месяц. А таких договоров у института было много. Очень много.

Следующие три дня бригада пила. А после пьянки, взяв с Влада слово, что он не появится в институте в ближайшие три недели, все разъехались по домам. Через три недели, оформив должным образом командировочные и получив деньги, составившие, вместе с зарплатой, довольно приличную сумму, Влад всё-таки попал на ковёр к начальству. Кто заложил всю бригаду, он понятия не имел. Но работа была, отчёт сдан и расчёты не вызывали сомнения. Начальство даже не поверило добровольному «стукачу», который позавидовал такому несанкционированному отпуску бригады.

– Рассказывай, Влад, – коротко сказал начальник отдела. – Рассказывай, как ты это про считал?

Рассказ и объяснения заняли полчаса. Когда Влад окончил, начальство немного помолчало, переглядываясь друг с другом, а после попросило его, Влада, на немного минут выйти и подождать за дверями. Ещё на полчаса. А через неделю его послали в другую командировку, в Армейск, в Крым. На месяц, втроём. Так же, на крупный завод. Только втроём, хотя цена на проведение работ на заводе, указанная в договоре, была в четыре раза больше, чем в договоре по Донецку. И завод был не меньше. Ребята остались отдыхать в Крыму, а Влад вернулся. Через три дня, с отчётом и рекомендациями – по всей форме, как и положено, согласно руководящих документов. Теперь уже ребята не возражали – начальство было в курсе. Получив командировочные и отпускные, Влад ушёл в свой очередной внеочередной отпуск. Через месяц, съездив ещё в две командировки и выполнив работу почти, всего отдела за год вперёд, Влад уволился. Его особо и не удерживали, работа в отделе была непыльная и хорошо оплачиваемая.

А идея зрела, но пока ещё не хватало знаний, опыта, интуиции, ну и в конце концов возраста – возраста зрелости. Всё это Влад восполнял и пополнял в следующие пять лет. Учился. А потом ещё следующие пять лет работал. Появились знания. Опыт. Интуиция, Ну и, конечно же, возраст! Вот тогда только идея смогла перерасти в Гипотезу. Влад в качестве экспериментальной обезьяны использовал себя. Мозговой атаки не требовалось – здесь нужно было выяснить нечто другое – не найти решение, а получить его извне. Вскрыть одну из ячеек, где хранилась нужная информация. Найти, разыскать именно эту ячейку, настроить все сорок тысяч километров нейронов своего мозга на поиск этой ячейки. В том самом информационном поле, существование которого является только гипотезой. Доказать теорему – если удастся вскрыть ячейки, то, значит, существует и поле, где этих ячеек, пикселей, видимо – невидимо. А раз существует поле, то можно ведь сделать и наоборот – рассмотреть содержимое этой ячейки, выделив её из общей массы пикселей! Эксперимент шёл за экспериментом. Результаты были практически всегда. Немного создавал фон и сам мозг Влада, умещающий в себе, так же по одной из гипотез, все знания и данные о Вселенной. Нормальный человек, ничем «незаморачивающийся», использует только два – три процента знаний своего, так называемого, «серого вещества». Остальная масса информации тaitся в его, мозга, недрах, прячется и изредка достаётся. Изредка. Когда уж очень человек этого хочет. Или умеет трудиться совместно со своим мозгом. Или помогают ему другие люди. Поэтому эксперименты должны были быть максимально чистыми, продуманными, чтобы попробовать выделить то, что Влад мог раньше откуда-то знать, помнить, хранить в подкорке своего мозга и, случайно или не случайно, почерпнуть оттуда, приняв это за сканирование одной из ячеек гипотетического про-

странства, хранящего все земные, а, может быть, и не только земные, знания. Влад думал, искал, вычислял, экспериментировал.

– Влад, я познакомился, в Москве, с одним мужичком, – рассказывал Сашка, товарищ и компаньон по работе, на которой Влад, по совместительству, в перерывах между мыслями об информационном поле Земли, добывал средства на хлеб насущный, – Он – директор «Камэнергоремонта». Трудится в Нижнекамске, это Татарстан. Есть кое-что интересное. Не хочешь поговорить?

Саша бал не превзойдённым коммуникационным устройством. Влад и сам был очень общительным, но таких знакомств, которые привозил Саша из своих деловых встреч, у Влада не было.

– А чем он занимается?

– Ремонтом электростанций по всему Татарстану, да и в других местах.

Саша узнал от мужичка – директора, видимо, немало, поэтому и разговорился.

– Он жаловался, что с ними частенько бартером расплачиваются, с деньгами у предприятий проблемы, предпочитают рассчитываться взаимозачётом.

О! А это уже затрагивало направление деятельности самого Влада. Он давненько уже использовал в своей деятельности довольно оригинальные и занимательные схемы различных взаимозачётов, куда, в эти схемы, «всовывал» свою фирму. Обладая математическим мышлением, Влад сам создавал такие схемы, договариваясь с каждым её участником, учитывая все их интересы и просьбы в отношении предприятий, в том числе и личные, меркантильные. Цены на товары, при расчётах по этим схемам, сильно отличаются от цен, на эти же товары, за реальные деньги, а цены может определять только директор предприятия. Даже налоговая инспекция, сталкиваясь с такими схемами, обычно пасует. Влад сразу почувствовал, что дело верное и поехал вместе с Сашей знакомиться с Нижнекамским мужичком – директором, оставив на время свои опыты по психологии и размышления об информационном поле, или слое, Земли. Нужно было поднапрячься и заработать немного денег.

«Южан» встретили приветливо

– Ростов? Знаю. Частенько там бывал, – сразу заявил Геннадий Петрович – директор, после того как Влад с Сашей, прорвались сквозь кордоны проходных с их пропусками, – Чем могу служить?

Разговор занял чуть больше часа. Как выяснилось, Геннадий Петрович менял всё на всё, причём совсем не оговаривая свою личную выгоду, полагаясь в этом щепетильном вопросе на порядочность и благоразумие партнёров.

– Вы где остановились?

– Да мы пока что у въездных ворот, на машине, остановились, – за обоих ответил Влад, взявший уже всю схему под своё, как всегда, руководство и контроль, – Разберёмся как-нибудь. Не впервой!

– Давайте так. Погуляйте часок, а я пока со своим замом, Александром Петровичем...

О! вот он, кстати, познакомьтесь! Всё организую и тогда действительно разберёмся!

Александр Петрович представлял собой крупного человека с добродушным лицом, но твёрдым взглядом.

– Саша! – сразу же добродушно заявил он.

– Свой?! – обрадовался Влад.

– Свой, свой! – весело и располагающе ответил Александр Петрович, – Вы пиво пьёте?

– Мы всё пьём!

– Тогда, поехали! Геннадий Петрович подъедет позже. А мы – на пивзавод!

Через два часа, взяв двадцатилитровую канистру нефильтованного пива, из личного фонда директора этого самого пивзавода, недавно, кстати отстроеного, близкого знакомого Александра Петровича, они втроём ждали Геннадия Петровича на базе ОАО «Камэнергоре-

монт» на берегу реки Кама. База была большая, построенная с размахом, благо места на берегу хватало. Два больших двухэтажных дома, с сауной, куча одноэтажных построек, катер, яхты и лодки для отдыха и рыбалки. Когда приехал директор, разговор с его замом уже был в полном разгаре. Оба Петровича быстро пришли к соглашению с Владом о бартере, определяя примерный ассортимент товаров для этого самого бартера, в которых сами нуждались и могли предложить ещё и «соседям», и «друзьям», тоже в обмен за какие-то специфические услуги и товары, которые те также готовы были обменивать. Схемы, предложенные Владом, выглядели не только выгодными в финансовом плане, но и сами по себе были оригинальны и интересны. Для полного сбора информации по товарам и услугам необходимо было дня два или три. Порешили, что гости поживут пока здесь на базе, на свежем воздухе, а всем необходимым для этого отдыха дружественная сторона бралась обеспечить. Саша засобирился домой

– Мавр сделал своё дело, мавр может уходить! Влад, я, наверное, домой поеду – там у меня кое-какие дела есть, а ты оттянись... И всё сам уже веди, как всегда. Я в этом слабоват, ты же знаешь! Петрович, – обратился Саша к тёзке, – С билетом на сегодня поможешь?

– Да не вопрос! Жаль, конечно, что уезжаешь, у нас ещё программа! Ну да хозяин, как говорят, барин!

– Петрович, ты меня что, больше видеть не собираешься? Я тебе ещё надоем!

После того, как начальство с Сашей уехали, оставив в его полное распоряжение ещё полканистры недопитого пива и базу, Влад пошёл её, базу, осмотреть. Два – три дня вынужденного отдыха необходимо было провести с пользой. Просто дать отдых и телу, и мозгу для дальнейших, а Влад это уже понял из разговора с Петровичами, долгосрочных, выгодных и очень интересных дел. Нужен просто отдых – обыкновенный плотский отдых, «без заморочек». База оказалась оживлённой. Около берега, на катере, перевёрнутом вверх брюхом, девушка в шортах чистила рыбу.

– Ты кто? – заинтересовался Влад местным населением, – Здесь живёшь?

– Ну да! Пока здесь.

Девушка показала на другой катер с большой каютой, вытасенный на берег.

– Мы здесь с Артуром живём. Парень мой! Он на работе сейчас.

– Влад, – просто сказал Влад, предлагая знакомство.

– Да я уже знаю. Петрович сказал. Меня зовут Света. А вы у нас дня два пробудете, да?

Света очень быстро и просто перешла на «ты» и правильно сделала – что уж на базе-то церемониться!.

Подошёл сухонький, бодрый старичок.

– Здравствуйте! Я – Николаевич! Сторож. Петрович наказал, чтобы я показал Вам, что и как. Ну что, пошли?

Николаевич где-то с полчаса водил Влада по закоулкам базы, явно гордясь своими охраняемыми территориями. Поблагодарив за экскурсию и пообещав обязательно обратиться в случае чего, Влад подошёл к группе людей, суесящихся возле катамарана, готового к спуску.

– Регата в Казани скоро будет, – очень по-свойски сразу же проинформировали его так, как-будто Влад сам участвовал в подготовке этого катамарана.

Слыша эту простоту общения здешних людей Влад невольно вспомнил Чукотку, там люди общаются также, даже ещё проще!

– Вот и доводим до готовности. Через неделю уходим! Не желаешь присоединиться? – сразу же предложил владелец катамарана, – Матросы нужны всегда!

– Нет, спасибо! С огромным удовольствием, но мне, действительно, некогда!

– Ну, нет, так нет! – ответил владелец и, по совместительству, капитан судна и продолжил дальнейшие приготовления, держа в руках кисть и банку с палубным лаком.

Вечером приехал парень Светы – Артём, и Влад предложил им допить оставшееся пиво. Потом, правда, пришлось ехать ещё в город, за водкой, на «пирожке» Артёма, так как «горю-

чего», естественно, не хватило. Влад был только рад увидеть ночной город, который всегда очень привлекателен в это время суток, причём любой город, в любой точке карты мира.

Только ночной Нижнекамск походил на город из фантастического фильма ужасов! Разноцветные дымы из нескольких десятков труб, подсвеченные прожекторами и горящими факелами сжигаемого газа, для очищения, как после узнал Влад, вредных химико – технологических выбросов, висели, растягивались кольцами, щупальцами над городом. Было просто страшно. Город делился на две части – промышленную и жилую, отстоящие друг от друга на расстоянии три – четыре километра. Но облако страшного дыма нависало и здесь, и там, опускаясь медленно на город, поглощало дома, машины и людей. Нижнекамск был ярко выраженным представителем промышленных городов, включённых в состав химической промышленности СССР. Он был этой химией пропитан насквозь. Владу стало как-то не по себе от этих фантазмагорий и захотелось уже побыстрее взять водки и вернуться на базу, на Каму, где не было этого дыма и красно – коричневого неба.

– Света, а у тебя подружки какие-нибудь контактные имеются? – на следующий день спросил Влад, резко почувствовавший своё одиночество после того, как Артём со Светой, допив водку, демонстративно и не стесняясь начали обсуждать то, чем они собирались заняться после застолья, удалясь в свой катамаран.

– Есть, конечно. Я же в техникуме учусь!

– Познакомь с кем-нибудь на время моего короткого отдыха? Такие... Ну, сама понимаешь, не закомплексованные! Кто водку пьёт, ну и всё остальное понемногу. Есть такие?

– Все такие! Одну, две? – как-то очень обыденно спросила девушка.

– О-о-о-о! Даже так?! Одну! Но самую... В общем, ты меня поняла, да?

Девушка понимающе кивнула.

– Только потом, Света. Я отъеду, на недельку, потом вернусь обратно, снова на недельку, а может быть и больше. Договорились!?

– Конечно договорились! Тем более, что уже всё или все, готово!

Подрядив Свету на должность сводницы, Влад поехал на завод. Там его уже ждал список товаров листов на двадцать, которые предлагали два Петровича и предприятия, которые были им должны за выполненные работы и услуги. По взаиморасчёту.

– Александр Петрович, а у Вас здесь, в этой химии, ничего необычного не случилось, типа там НЛО, зелёных человечков и прочего?

– Нет, – засмеялся Петрович – зам, – У нас, у некоторых, от водки, в основном, чертики зелёные бывают, но к утру уходят. Тихо у нас.

Такие вопросы Влад задавал во всех городах, во всех местах, где бывал по работе или так, пролётом или проездом. Беседуя частенько и с приезжими из других городов. Получалось, что на всей территории Советского Союза, а это хочешь – не хочешь, а одна шестая часть суши Земли, никто и никогда не слышал и не видел над горизонтом никаких кораблей, городов, трёх солнц и других фото и кино – эффектов. Галлюцинации и видения были, были и миражи, но при более детальном разговоре выяснялось, что это совсем из другой сферы исследований. А то, что Влад осуществил и видел на Чукотке, не видел никто. Кроме тех, кто сам и был на Чукотке. Эти люди видели практически всё, но очень неохотно об этом говорили, скорее всего, опасаясь того, чтобы их не причислили к отряду сумасшедших. Засмеют! И правда, не очень верили этим рассказам. Уж очень неправдоподобно всё это выглядело. А проверить эти немногочисленные рассказы не представлялось возможным – не было ни одной фотографии или слайда, ни одного видеоматериала, хотя казалось бы, при таком обилии очевидцев и фактов... Фотографии полярного сияния были, а вот кораблей – нет! И городов – нет! Но что-то другое ведь видели люди?! Не могли не видеть и не могли не попробовать сфотографировать! Не было ничего! Никаких доказательств того, что люди это действительно видели! Это было парадоксально и непонятно! И вот это Влад и хотел выяснить. Но как заставить

открыться хотя бы какой-нибудь, любой файл, как его извлечь? А, впрочем, это же не проблема! А синхрофазотрон, за работой которого он наблюдал в Новосибирске, в Академгородке, в Институте Ядерной Физики? Стреляют же элементарными частицами по ядрам, выбивая с их орбит электроны, добавляя позитроны в эти самые ядра, расщепляют ядра, изучая реакцию, создавая сверхтяжёлые элементы таблицы Менделеева? Это же можно сделать достаточно просто – пучок элементарных частиц... или свет?! Узко —направленный луч света, мощное излучение света, световая игла! Свет – частица и волна. Корпускулярно —волновой дуализм... Влад соображал, пытался соображать, но что-то отвлекало, мысли смешивались, перескакивали одна на другую. Проткнуть информационный слой лучом можно. Ионным, заряженным. Вызвать столкновение с каким-то файлом. Что это даст? Луч... Луч света... Острый, намного тоньше обычной металлической иглы. Диаметром в одно ядро. Или ещё меньше. Зачем меньше? А как? На чём базируется запись? Воздух? Максимум воздуха? Ядра? Слой... Озоновый слой... Озон? Ширина, высота, сколько... Это может быть правдой – основой для проверки. Чукотка? Озоновые дыры. Неравномерность толщины атмосферы – она намного тоньше у полюсов, Земля вращается и массы воздуха уплотняются ближе к экватору. На Чукотке небо черное и звёзды побольше... И ярче...

Влад работал. Он за сутки проехал две тысячи сто километров, до Ростова – на—Дону, за двое суток успел договориться, размахивая списком бартерных товаров и ценами, правда, уже им, Владом, исправленными почти вдвое, с оптовой базой «Ростовтехоптторг» о возможном обмене и загрузил, нанятый с условием оплаты в Нижнекамске, «длинномер» грузоподъёмностью двадцать пять тонн, всевозможным барахлом, отдалённо соответствующим тому, что было согласовано с Петровичем, настояв на том, что это им сможет пригодиться при бартерном обмене. Товар, который им предлагали, они также не знали куда девать, да и цены там были процентов на двадцать завышены от цен, по которым эти товары, ещё можно было с грехом пополам продать. Увеличив цену привезённых товаров в Нижнекамск процентов на тридцать и получив взамен товары, которые в Ростове уже ждали со стопроцентной бартерной наценкой, Влад полностью рассчитался с поставщиками по обе стороны бартерного моста, такого, созданного им, коромысла, оставив себе, по самым скромным подсчётам, три длинномера камазовских покрышек R 260 и железнодорожную цистерну, шестьдесят четыре тонны, Нижнекамского тосола, пользующегося хорошей репутацией за его качество. Проведя сделку и отправив машины с товаром в Ростов, Влад решил задержаться в Нижнекамске. Пока железнодорожная цистерна в пути – у него дней десять. А вечером уже партнёры Геннадия Петровича, прослышав об удачной и для них, и для Петровича операции, приехали на базу, в гости, познакомиться поближе с Владом, да и вообще, выпить по чашечке водки или по рюмке чая, как кому милее. Партнёры у Петровича были из Набережных Челнов – работали с автомобильным заводом «КАМАЗ» очень плотно, поэтому они и для Влада были очень интересны. Друзья Петровича приехали с подарками. Подарков было много – штук пять. Приехавшие друзья явно не скупились, намереваясь поразить ростовчанина своим размахом. Все подарки были юны и симпатичны, поэтому разговоры о делах прошли невнимательно, в скомканном режиме и спешно. Влад со всем был согласен, взаимная договорённость была достигнута быстро, после чего началось плотное ознакомление с подарками и их внутренним содержанием. От такого обилия внутреннего содержания, после снятия упаковок с подарков, Влад просто растерялся. Пришлось разбираться с даренным по очереди, чтобы скрыть эту растерянность. Помня поговорку, что даренному коню в зубы не смотрят, Влад, знакомясь с каждым новым подарком, старался вообще никуда не смотреть, а только пробовал, чтобы ничего не перепутать и ничего не пропустить. Пришлось изрядно выпить, опять же, чтобы скрыть растерянность от такого нашествия друзей с подарками. Девушки практически ничего не пили – только пригубляли, они были на работе и строго соблюдали Устав их корпорации. На третьем подарке Влад задержался, причём не в переносном смысле.

– Тебя как звать-то? —после досконального осмотра решил узнать Влад.

– Лена! —ответил самый длинноногий и симпатичный подарок.

Имена двух предыдущих Влад так и не узнал.

– Ты из Набережных?

– Ну да, мы все оттуда.

– Слушай Лен, останься дней на десять? Тебе какая разница, зачем ездить туда-сюда?

Отдохнёшь хоть здесь! Давай?

Лена думала недолго.

– Давай! Тогда можно меня не будут больше... Трогать? Я скажу, что я осталась?

– Ладно, – согласился Влад, не совсем уверенный, а, больше, вообще неуверенный в том, что Лену сегодня больше не будут... Трогать, но обрадовался тому, что она остаётся. Потом снова пили, потом Влад посмотрел и оценил следующий подарок, который тоже оказался ничего! Но знакомиться Влад уже не стал. Одно дело принять подарок, когда друзья дарят и попробовать его, но совсем другое дело с ним, с подарком, знакомиться. Уж и Лены одной достаточно, а то неудобно будет! Проснувшись утром, а точнее, придя как-то в сознание, Влад обнаружил прямо перед собой, на двуспальном диване, «пятый элемент», лежащий на боку и абсолютно голый. На тюфяке, в углу, той же самой комнаты сидел один из устроителей шоу. Но Влада это не смутило. Как попал этот «пятый элемент» на диван, и почему лежит в такой позе, готовый к употреблению, прямо перед ним, Влад не понимал да и не хотел понимать. Он просто взял и начал употреблять этот элемент по назначению. Употребление уже, вероятно, наскучило «элементу» ввиду своей непрерывности в течение последних часов, приблизительно, пятнадцати, поэтому он повернул голову и попытался хоть увидеть, кто его снова употребляет.

– Тебя как зовут? – решил-таки продолжить знакомство Влад.

– Света, – тяжело и томно, устав от многочисленных знакомств, пролепетал «Элемент».

– Тогда Света, не мешай! И, вообще, ещё рано вставать!

Света послушалась и замерла, продолжая употребляться. Лену Влад в течение вечера, естественно, потерял и где она, и что с ней, понятия не имел. Кто там её, ну, это... Употреблял, ему было, честно говоря, всё равно.

– Света! Алло?

Света спала, как убитая, вся податливая, не обращая ни на что абсолютно никакого внимания. А внимание нужно было как раз обратить. Проснувшись, мужик с тюфяка, немного понаблюдал за действиями Влада и попытался что-то проделать с головой Светы, свисавшей с дивана в его сторону.

– В глаз не попади, – шутливо посоветовал ему Влад, выглядывая из-за крутого бедра элемента.

Помучившись со Светиной головой и не найдя взаимности, мужик снова рухнул на свой тюфячок и почти тут же послышался его храп – ночь добила его! Как, впрочем, и Свету, так и не открывшую больше глаз и даже ни разу никак не откликнувшуюся на шутливые вопросы Влада. А Влад, уже не зная, спит он или нет, или это всё во сне, продолжал знакомство с совершенно невменяемым «подарком».

Он вдруг, со всей отчётливостью, увидел стоящие в виде геометрической фигуры – шестиконечной звезды, какие-то трубы на треногах, выставленные вверх. Стоящий теодолит между ними и, явно, стол с пультом управления. И человека, склонившегося над пультом. Знакомая фигура, лицо в каких-то огнях... Из трубок выходили тоненькие видимые лучики, пронзающие черное небо, теряющиеся в бесконечности. В небо уходили пять параллельных лучей, но параллельных только с виду. Влад откуда-то знал, что эти линии там, в бесконечности, пересекаются, сливаясь в одну определённую точку, на которую он, этот человек с лицом в огнях, их – эти лучи, наводит, колдуя с пультом. В ту точку, которая становится линзой для

далёкого луча, высвечивающего, проходя через неё, ту самую картинку над горизонтом. Картинку, скрытую в этой точке. В этой информационной точке, пикселе, в одном из бесконечного количества подобных пикселей информационного поля Земли...

Влад из всех своих оставшихся у него сил, пытался запомнить мельчайшие детали устройства, даже протянул руку... и наткнулся на тёплое круглое бедро спящей девушки. Он снова был здесь, в этой огромной комнате, на этом двуспальном диване, девушку эту звали Света, она один из пяти подарков, привезённых гостями в знак дружбы, взаимопрощетания и будущих партнёрских отношений.

Света была очень гармонично сложена, если можно было судить о ней в том согнутом положении, в котором она сейчас находилась, на боку, поджав ноги к своему плоскому животу и тем самым, невольно, демонстрировавшей все интимные части её молодого тела – те части, которые девушки, обычно, надёжно скрывают от посторонних глаз, от всех желающих полакомиться этими самыми местами. Влад захотел посмотреть – хороша ли девушка и в других положениях. Он перевернул Свету на живот, вытянул её скрюченные ноги. Девушка, действительно, была сложена шикарно! Ровное гладкое тело, бледно —розовая, нежная и мягкая кожа, узкая талия и аппетитно выступающая округлая попочка снова сыграли с ней злую шутку. Влад загорелся с новой силой. Он был достаточно тяжёлым, поэтому Света проснулась сразу же, как только Влад пристроился к её манящему телу, интересуясь двумя технологическими отверстиями на её теле, очень необходимыми для его детали. Деталь, как Влад и предполагал, точно подошла по диаметру даже в этом положении. Пока девушка ещё не совсем проснулась, Влад извлёк своё изделие из нижнего отверстия и переместил его к верхнему. Света так и не успела понять и опомниться – Влад решительно вогнал свою крепкую деталь в это верхнее отверстие до упора. От неожиданности Света взвыла и вцепилась зубами в подушку. После этого, осознав, что происходит, попросила Влада немного подождать, не двигаться, расслабилась полностью, чтобы ничем не мешать. Через некоторое время она попросила подать её сумочку, достала оттуда какой-то крем и молча протянула Владу. Прошло ещё немного времени и Влад, довольный результатом шлифовки, снова переместил деталь в другое отверстие на теле Светы. На этом его действии девушка с облегчением уснула. Отсутствие инструкции по применению подарка толкала пользователя на самостоятельные шаги по его использованию. Девушка сонно повернула а Владу голову и благодарно улыбнулась, почувствовав сильную вибрацию внутри своего уставшего, но всё равно так приятно трудившегося, тела. Вибрация усилилась, Света сотрясалась в крепких руках Влада. Девушка почувствовала, что скоро наступит конец мучениям и тоже отдалась этому безумному порыву страсти. Подождав несколько минут, пока вибрация стихла, она медленно и томно перевернулась, позволяя рассмотреть её и спереди. Очень красивая грудь! Крепкие, раскинутые в стороны груди третьего или четвёртого размера, с большими острыми сосочками звали к себе и манили красотой! Мохнатенький, очень оригинально подстриженный коврик, символически прикрывавший вход в нижнюю часть её тела, просто требовал к себе повышенного внимания.

– Ты ещё приедешь? – спросил почему-то Влад.

– Не знаю, – честно отозвалась Света, – Сколько сейчас времени?

– Да уже где-то около восьми. Не знаю точно. Ты куда-то спешишь?

На улице уже слышались голоса.

– Да мне же на занятия надо! Выгонят из института!

Света стала лихорадочно искать по комнате свои разбросанные вещи. Влад уже сам кое-как оделся, а Света ещё что-то искала, обходя все комнаты, а их было четыре и в какой из них, и с кем она оставила что-то из своего небольшого одеяния, она, естественно, не помнила. Осмотревшись, Влад нашёл здесь же подруг Светы, также быстро собирающихся и одевающихся. Все девушки оказались студентками второго курса какого-то местного института, немного подра-

батывавших в свободное от учёбы времени древнейшей профессией на этой грешной Земле. Света грустно зашла в комнату, где последний раз уснула.

– Что потеряла?

– Вот! – она подняла юбочку, напоминающую набедренную повязку, причём самого маленького размера, демонстрируя Владу свой аппетитный мохнатенький треугольничек.

– Трусики нет, – растеряно произнесла девушка.

– Так оставайся, поищем твои трусики! Не пойдёшь же ты так на занятия! А то преподаватели куда смотреть будут?!

– Да надо мне идти, – грустно как-то ответила Света, – Я уже три дня пропустила!

Да, Влад мог признать, что спрос на Свету мог быть большой. Ещё немного посидев, толпа расселась по машинам и кавалькада тронулась в город, увозя девушек учиться в институт. Влад так и не вышел их провожать. Всё сказанное, обещанное и договоренное осталось в силе, бизнес есть бизнес. Знакомство состоялось. Убирая постель и собирая диван, Влад нашёл трусики, провалившиеся в щель между стеной и ложем. Конечно, теперь верёвочку трудно было классифицировать как трусики, только если заранее знать, что это были трусики. Влад закинул «верёвочку» на люстру и лёг на диван, аблюдая за её колебаниями. Солнце уже прилично встало и било в окно косыми тёплыми лучами, пронизывающими комнату насквозь. Сквозь трусики лучи не проникали, вязли в них, оставляя на стене напротив чёткие очертания женских бёдер – трусики повисли на люстре как-то симметрично и параллельно полу. Между бёдер, у основания трусиков, был плотный треугольничек материи, скрывающий что-то за собой. И Влад знал, что! Если знать, где находится этот треугольник, если расположить его так, чтобы с Земли можно было его выбрать, точно определить местонахождение, то на стене, либо над горизонтом, будет видно то, что скрывается в нём, за ним, если будет ещё источник света сбоку. Влад встал и перевесил трусики на другой рожок люстры. Треугольничек остался – он просто переместился по стене чуть в сторону, дальше. Минут двадцать Влад не отрывал глаз от тени, перемещающейся по стене вслед перемещающемуся солнцу, и вспоминал. Он вспомнил передвигающиеся над горизонтом корабли, караван кораблей вдоль линии горизонта, передвигающиеся несколько дней подряд, в одном и том же, практически, месте. Вспоминал Влад, как потом корабли по одному пропадали, уходя за какую-то черту. Так длилось несколько дней. Одна и та же картинка. Одни и те же корабли. Любой караван кораблей за эти трое – четверо суток уже давно бы ушёл из поля зрения, переместился на много километров вперёд от места первоначального наблюдения. Значит, Влад смотрел на их сохранившиеся изображения в информационном слое или поле, как кому нравится, Земли, сохранившиеся в том единственном файле, пикселе, куда попадал в одно и то же время солнечный свет, прямой или отражённый от какого-то предмета, находящегося в Космосе или на орбите вокруг Земли! На околоземной орбите! Луна? Космическая станция? Зеркало телескопа? Зеркало! Зеркало!!!

Догадка требовала срочной проверки, но для этого Владу нужно было ехать в город, поднимать документацию по работе телескопов на околоземной орбите в то время, когда он с Мариной видел город. Когда он с Андреем видел корабли. Поднимать данные возможно не для широкой публики, нужно искать для этого каналы и знакомых. Влад расслабился – спешить было некуда. Он встал, снял Светины трусики и положил их в карман. Он решил их сохранить, как талисман, чтобы вспоминать иногда, как они помогли... Ночью и утром! И как вовремя Света оказалась перед ним в позе эмбриона! Или цыплёнка – табака... Влад вспомнил распластанную фигуру девушки, лежащую перед ним, на животе, с широко раздвинутыми ногами и руками.

– Спасибо тебе огромное, Света, – искренне, запоздало, прошептал Влад и с чувством похлопал себя по карману, в котором лежала принадлежность Светино туалета, – За трусики! Нет, за идею!

Владу не спалось. После всего, что за сегодняшнее утро с ним произошло, спать не хотелось совсем. Походив по комнатам, Влад немного навёл порядок, собрал кое-как диваны, набросил покрывала, подмёл, больше имитируя это, полы. Нашёл полбутылки водки, оставшейся от бурной ночи и выпил грамм сто пятьдесят. В голове прояснилось. Истинно, от чего заболел, тем и лечись! Влад захотел выйти на воздух, подышать. На улице орудовал Николаевич.

– Проснулся? Гости девушку забыли. Она ночью ко мне в сторожку прибилась, говорит, ты разрешил.

Влад уже перешёл в разряд «своих» и Николаевич обращался с ним на «ты».

– Заберёшь или как? – хитро улыбнулся дед.

– Где она?

– Да вон, в этой хибарке прячется.

Влад подошёл к одному из низеньких и маленьких строений, предназначенных для каких-то хозяйственных нужд. Внутри, на топчане, спала Лена, полностью одетая – в джинсах и футболке, даже не разувшись – в кроссовках. Влад решил немного поиграть с ней – осторожно потянул за молнию джинсов. Не успел он дойти до половины, как девушка резко вскочила и села, закрывая руками всё, что было у неё ниже живота. Это рассмешило Влада, он только что, это самой ночью, видел и эти джинсы, и футболку, и всё, что под ними скрыто было в данный момент. Вслед за Владом рассмеялась и Лена, потом, обхватив его обеими руками за шею, повалила на себя на кровать. Целоваться Лена умела и хорошо умела, это Влад понял сразу, почувствовав про себя, что Света уехала немного рановато. Лена это тоже почувствовала, проведя рукой по джинсам Влада и нащупав напряжённую его деталь и не стала терять времени на всякие ласки и игры, тем более, что они уже прошлой ночью «познакомились».

– Лена, ты мне думать мешаешь! – немного озадачил девушку Влад, – А у тебя трусики есть?

– Нет! – честно призналась Лена, – Я же в джинсах!

– Логично, – согласился Влад, – Для чего девушке в джинсах ещё и трусики?

Думать и размышлять было уже всё равно невозможно – плоть брала своё, исконно только ей принадлежащее и сопротивляться ей могли только единицы. Влад к их числу не относился. Лена настойчиво требовала к себе внимания, которого пол-ночи была обделена. Внимание Лене досталось немного, чисто символически, его уже просто не осталось. Требовалось время для пополнения внимания. По обоюдному и мирному согласию решили подождать, пока внимание снова соберётся в ёмкостях и пошли весело пить оставшуюся, как выяснилось, в достаточном количестве водку. Из своего катамарана вылезла осторожно другая Света.

– Если бы не Артём, меня бы ночью раз десять изнасиловали! – то ли похвалилась, то ли пожалела она, – Даже в катамаран, к нам, мужик голый залезал! На Артёма наткнулся – вот мы смеялись! Столько извинялся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.